

ГАЛИНА РОМАНОВА

ВОЗВРАЩАТЬСЯ — ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Возвращаться – плохая примета

«ЭКСМО»

2012

Романова Г. В.

Возвращаться – плохая примета / Г. В. Романова — «Эксмо», 2012 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-55016-6

Бывший оперативник Арина Воробьева мечтала насладиться покоем и тишиной в домике в деревне и отдохнуть от тяжелой работы. Но даже здесь ужасающая реальность настигла Воробьеву. В одну из ночей погибла ее соседка Алла. Арина уже участвовала в расследовании подобного преступления с характерными следами и уликами, но тогда маньяк был пойман и отправлен в колонию строгого режима. Арина пыталась доказать всем, что за решетку попал невиновный, но ее просто не стали слушать. И вот теперь Арине приходится убедиться в собственной правоте. Маньяк продолжает убивать и оставлять на телах своих жертв странную метку смерти – кровавый ромб в области сердца... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-55016-6

© Романова Г. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Романова

Возвращаться – плохая примета

Глава 1

Плотный сентябрьский туман начал красться к деревне с реки в половине третьего ночи. Сначала он ледяным облаком колыхался над остывшей водой, потом медленно поплыл к лозинкам, дальше – в гору, потом к старой заброшенной конюшне с опустевшим гнездом аиста на водонапорной башне. Добрался до крайних домов, сонно глазящих на него темными занавешенными окнами, ленивыми щупальцами обвил их. Перескочил через заросший чертополохом овраг, дрогнув едва заметно от чернеющей колючей мерзости. И, не встретив больше на своем пути препятствий, начал осторожно заливать деревню. Через час, а может и того меньше, все было затоплено стылой молочной пеленой. Настырно торчал лишь флюгер на ее крыше. Но туда туману было не добраться. Дом высокий, два этажа, чердак с высоченной двухметровой кровлей, а флюгер и того выше – торчит медным петухом на металлическом метровом шесте. Нет, туда не добраться.

Будто в отместку за наглую высокорослую неприступность ее дома туман в три слоя обернул ее жилище плотной непроницаемой влагой. Принялся заползать в щели, студить пол и стены, влажно дышал на окна. Ей казалось, она слышит, как по-змеиному он шипит, пытаясь забраться к ней под одеяло. Она почти чувствовала на простынях и подушке его липкие скользкие щупальца. Она почти догадывалась, что добраться он стремится до ее сердца, колотящегося теперь в диком страхе пойманной птицей. И она точно откуда-то знала, что как только это мерзкое безликое создание дотянется до него, окутает влажной паутиной и требовательно сожмет – ей конец.

– Нет, не надо... – Ее голова заметалась по подушке, дыхание стало частым и прерывистым. – Не надо, пожалуйста! Не нада-ааа!!!

Окончательно очнувшись она от своего сна, уже сидя на кровати. Обвела безумными глазами спальню. Все на своих местах, все хорошо.

Широкая кровать в центре комнаты изголовьем к простенку между окнами. Слева два добротных зеркальных шкафа, справа открытые полки со всякими нужными и ненужными вещами, часть которых покоится в плетеных ящиках из ротанга, часть просто стоит, собирая пыль день ото дня. Прямо перед ней два комода в одном стиле со шкафом и полками. Между ними большое зеркало в красивой оправе под старину, туалетный столик под ним, удобный мягкий стульчик, обтянутый шелком в тон со шторами и покрывалом.

– Господи, приснится же такое, – пожаловалась она своему отражению в зеркале.

Опасливо скосила взгляд на отраженные в зеркале окна. Там и правда плескалась пелена непроглядного тумана. Надо же, прямо как в ее сне. Но...

Но это всего лишь сон! Глупый, настырный сон, посещающий ее раз от раза либо перед бедой какой, либо перед туманом. Туман был? Был! Значит, беды не предвидится. Немного повеселев, она откинула с ног одеяло, сползла с кровати. Нашарила мохнатые теплые тапки. Потянулась к халату, брошенному через спинку маленького стульчика. Плотно запахнулась, одернула пижамные широкие брюки и медленно пошла вниз по лестнице в кухню.

Надо включить отопление, решила она на последней ступеньке. Хотя бы на час или два. Ночь холодной была. А утро просто ледяное, бр-рр. И еще этот туман!

Она дошла до котельной, повернула на газовой колонке ручку отопления, там сразу зашумело, зафыркало. Арина довольно улыбнулась, сейчас минут через десять по комнате поплывет тепло. Можно будет снять халат, сбросить мохнатые тапки и шлепать по лаковым полови-

цам босиком. Она сварит себе кофе, пожарит яичницу, а может, не поленится, кашу сварит. Накроет стол перед широченным кухонным окном до самого пола. Сядет чинно с вчерашними газетами, почитает что-нибудь за завтраком, включит телик, там что-нибудь услышит новенького. Одним словом, начнет свое неспешное, одинокое, безработное существование.

Вообще-то она давала себе слово, что с утра станет бегать. И даже маршрут уже проложила. От дома, минуя тротуар, по тропинке за деревню, потом мимо конюшни к лозинкам, потом вдоль берега до кромки леса, там легкая разминка и обратно тем же путем. Две недели бегала, как заведенная. Местные – кто фыркал ей вслед, кто у виска пальцем крутил, кто ворчал, что бездельничает, шла бы на ферму лучше вкалывать, там дел невпроворот, молодых теляток только-только завезли. Молодая же еще баба, в самом расцвете и соку, ну!

Арина внимания на них не обращала. Она с первого дня была здесь чужаком, для кого-то изгоем, и не хотела и не старалась ничего менять. Причем чужой она была здесь как для местных, так и для приезжих, тихонько скупивших все покосившиеся заброшенные дома и настроивших на их месте коттеджей.

Почему? Потому что не хотела никакой дружбы водить. Ни с кем. Ее все устраивало. Ее устраивало ее одиночество. Устраивало, что нет у нее тут друзей. Устраивало, что не нужно ходить в гости и у себя принимать. Скалиться в вежливых улыбках, поддерживать никчемный разговор, сплетничать при случае.

– Не хочу!!! – сказала она однажды своему зеркальному отражению, она частенько с ним беседовала. – Устала...

Сегодня она точно не побежит. Туман!

Арина подошла к огромному кухонному окну, потащила вверх римскую штору в веселую полоску и тут же невольно попятилась. Белесая туманная река, затопившая ее палисадник по самые макушки вишен, пульсировала и билась о стекла, она клубилась возле розовых кустов, которые еле угадывались теперь. Нет, ничто не заставит ее сейчас открыть входную дверь и выйти наружу. Пробежка отменяется. В туман она не выйдет из дома ни за что. Потому что она...

Потому что она ненавидела туман! Она его панически боялась, если быть честной! В туман случились все самые страшные гадости в ее жизни.

Туманными сумерками при захвате одного психопата тот ранил ее ножом в плечо. И рана-то была пустяшной, крови было очень мало, и врач шутил, что до свадьбы все заживет, но психопат ухитрился задеть какую-то жилку, и Арине пришлось потом посещать массажиста почти год. И теперь ноет ранка-то пустяшная, перед каждой непогодой ноет или в туман, как вот теперь.

Она дотянулась до отметины на плече, нырнув рукой под халат и пижамную кофточку, нежно помассировала пальцами едва заметный шрамик от ножа. Тут же вздохнула, вспомнив, что куда более заметная отметина осталась в ее душе после одного туманного утра.

Тем утром, летним, теплым, долгожданным, потому что выдался, наконец-то, отдых и они толпой укатили на рыбалку, она потеряла Ваньку. Милого, любимого, надежного и такого родного, что дышать старалась с ним в унисон, так он был ей дорог. А вот потеряла, и все!

Нет, его не сбила машина, не достала рука преступника, он не оступился и не шагнул с крыши. Он просто ушел из палатки с удочками, поцеловав ее, сонную. Шепнул еще, перед тем как уйти, чтобы она спала и не беспокоилась ни о чем. Что она должна выспаться, что с него уха, что носа ей из палатки высовывать незачем, на улице туман и немного сыро. Да! И еще там были комары, добавил он. Огромные, сосущие кровь и переносящие инфекцию. Она что-то пробормотала ему в ответ, что-то благодарное и милое, и тут же уснула. А проснулась от страшных криков и грохота.

Орали, казалось, все! Женщины взвизгивали, мужики матерились, кто-то сновал мимо ее палатки, задевая и колыхая ее. Гремела алюминиевая посуда, билось какое-то стекло. Ничего не понимая, Арина расстегнула молнию на палатке и полезла головой вперед на улицу.

Народ взял в круг небольшую полянку, над которой они вчера пытались натянуть волейбольную сетку, но та, зараза, запуталась, терпения ни у кого не хватило, и затею оставили. Сейчас на этой полянке катались клубком двое. Они рычали, пыхтели, ругались матом. И что самое удивительное, их никто не пытался разнять.

– Что здесь происходит? – Арина раздвинула чьи-то спины, выглянула. – Ванька?! Что происходит?! Вы что, с ума сошли?? Прекратите немедленно!!! Сашка!!!

Дрались, именно дрались, а не шутливо возились, потому что морды у обоих были уже в крови, ее Ванька и Сашка Перцев, приехавший на рыбалку со своей бывшей женой, с которой будто бы пытался заново все начать, отношения в смысле.

– Вы что делаете?! Господи!!!

Она орала и носилась, хватая наблюдающих мужчин за руки, как дура заполошная. Пыталась тормошить женщин, но те, пряча глаза, уходили в сторону. Бывшая жена Перцева – Инна стояла в стороне в слезах.

– Инка? Что происходит? Почему они дерутся?! – подлетела к ней Арина. – Почему их никто не остановит?!

Инна глянула на нее затравленными глупыми глазами и тут же, отвернувшись, ушла в свою палатку.

– Господи, ну не за пистолет же мне хвататься!!! – заорала тогда, снова вернувшись на площадку, Арина. – Мужики, прекратите, а то стану стрелять!!!

Пистолет у нее был при себе всегда, не боевой, газовый, и разрешение, соответственно, на него тоже имелось. Об этом присутствующим было известно. Кого-то, наверное, пробрала ее угроза, тот подтолкнул еще кого-то, тот по цепочке еще, и минуты через три дерущихся разняли.

Их развели в разные стороны, и они стояли там, шумно выдыхая и нервно ухмыляясь друг другу.

– Ванька, что случилось? – Арина тронула огромный синяк у любимого под глазом. Погладила опухшую щеку. – Вы с ума сошли, что ли?!

Он ее не слышал. Он ее не видел. Он смотрел поверх ее головы на Перцева и все так же криво скалился.

– Да, Ирка, да, спроси у него, чего это он?! – заорал вдруг за ее спиной Сашка. – Спроси, с какой такой блажи он решил трахнуть мою Инку?! Ему что же, суке, тебя мало?!

Сначала она не поняла, что Сашка выкрикнул. Сначала она вдруг очень резко и отчетливо почувствовала, что стоит голыми ногами в чем-то отвратительно холодном и влажном. Опустила глаза. Туман, к тому времени немного осевший, окутал ее ноги почти по щиколотку.

Арина резко подтянула к коленке сначала одну ногу, потерлась пяткой о спортивные штаны. Потом то же самое проделала со второй ногой. Помогло мало. Ноги озябли так, что ее начало колотить, пальцы на руках свело, зубы застучали. Ну а потом и сердцу досталось. Это когда до нее дошел смысл Сашкиных слов.

– Что он твою Инку, Саш?! – просипела она, подобравшись к одному из соперников вплотную и ухватив его за оторванный воротник клетчатой рубашки. – Что он ее, Саш?!

– Ничего, отстань, Ирка! Лучше уйди! – Он неучтиво оторвал ее руку от своего воротника, отступил на пару шагов, потом махнул рукой в Ванькину сторону: – У любимого своего спроси, кто позволил ему чужих баб трогать?! На рыбалку он пошел, паскуда! С вечера договорились, да??? Ответь мне, сука, с вечера, да???

И он бы снова сошелся с Ванькой в поединке, но им не дали. Кто-то из мужчин подхватил Сашку под руку и потащил с поляны. Да и Ванька поспешил укрыться в палатке. Арина

вползла туда следом. Встала на коленках у входа, спиной на улицу, уставилась на любимого непонимающими несчастными глазами.

Ей казалось тогда, что глаза у нее именно несчастные, потому что несчастной она была вся. Это отвратительное несчастье грызло ее изнутри с такой силой, что болели все внутренности. И что характерно: засыпала-то она счастливой и любимой, а вот проснулась несчастной и отверженной.

– Я тебя не отвергал! – возразил Ванька, когда Арина выдала ему это вслух. – Я просто... Я просто запутался, Ариша! Прости, ну!

– Запутался в чем? В рыболовных снастях? – хихикнула она вдруг, потянувшись к нему и как вдарит в то самое место, где вздувался красавец синяк. – Это тебе за неумение врать. Это за подлость. Это за... За предательство! Убирайся..

– Арина! Ариночка, прекрати, ну чего ты, а?! – начал ныть Ванька, с трудом уворачиваясь от ее метких, сильных ударов, она же профессионально била его, не просто так, она же заниматься в зал ходила минимум раз в неделю. – Ну, ошибка вышла, малыш! Я прощу прощения!!! Больше такого не повторится, поверь!

– Конечно, не повторится! Со мной никогда в жизни! Убирайся!!!

Жалела ли она потом о своем решении? Считала ли его поспешным, скоропалительным даже? А черт его знает! Может, и жалела, когда тосковала по Ваньке, когда скучала по его рукам. Но возвращать его и уж тем более прощать она не собиралась точно.

Сейчас он женился... на Инне Перцевой, вот так. И по слухам, они ждут ребенка. И все по тем же слухам, ей Ванька тоже изменяет. И что еще интереснее, слухи эти ей приносит Сашка Перцев.

Повадился, знаешь ли, к ней на выходные приезжать. Без приглашения, без ничего. Подкатывает на машине к забору. Выбирается с ленцой такой, характерной только для него, с хмурой неулыбчивой мордой, без лишних телодвижений распахивает ее ворота, загоняет машину во двор вплотную к гаражу. Достает из багажника всякую ерунду рыбацкую и, забыв поздороваться с хозяйкой, уходит на реку. Возвращается ближе к обеду, когда с рыбой, когда без, вечно голодный, вечно злой. Заходит без стука в ее дом. Садится за ее стол, начинает есть ее обед, смотреть ее телевизор, читать ее газеты, листать ее журналы. При этом по кастрюлям он лазает сам, ни разу не попросив налить ему борща или положить мяса. Сам! Все сам! И все почти молча. Наестся таким вот образом, посидит, посмотрит телик, почитает, может даже подремать в кресле. Потом поднимается, выходит во двор, не забыв все же буркнуть перед этим «Пока», и уезжает.

Сначала она удивлялась, потом молча бесилась, потом привыкла и даже стала ждать его приезда, хотя за все время они друг другу сотни слов не сказали.

Сегодня было с утра что? Сегодня была пятница. Стало быть, Сашка завтра приедет. И хорошо, и ладно. Она даже повеселела, и туман, медленно оседающий за окном, уже не так тревожил. Завтра Перец приедет, что-нибудь, глядишь, и расскажет интересенького, может, снизойдет и совета попросит. Она любила советы давать. Это у нее неплохо получалось.

Надо приготовить ему что-нибудь такого...

Арина обернулась к холодильнику. Кажется, у нее курица была заморожена. Огромная, домашняя, всученная ей за четыре сотни соседкой. Надо достать, разморозить и с утра запечь в духовом шкафу. Сашка Перцев обожал курятину. В любом виде, кроме замороженного, конечно.

Курицу она достала из морозильника. Поставила сковородку на плиту, разбила о край два яйца, выплеснула их из скорлупок, понаблюдала, как, схватываясь, белеет в горячем масле белок. Щелкнула кнопкой на кофейной машине, подставила чашку. Не станет она варить кашу, нечего себя обманывать, аппетита нет вообще.

А все туман! Все он изгадил! Даже теплеющий с каждой минутой воздух не помогал, по позвоночнику настырно ползли мурашки. Прямо в самом деле как перед бедой большой. Арина поежилась, сняла сковороду, наклонила, яичница послушно соскользнула в тарелку. Щелкнула тумблером, и в чашку потекла кофейная дымящаяся струйка. Поставила завтрак на стол, села, время от времени косясь на седые туманные космы за большим окном – кажется, редеют, редеют. Сейчас бы солнышку выйти, оно бы вмиг вонзило свои лучи частым гребнем в эту косматую седую шевелюру.

Арина села за стол, потянулась к газете, но потом отмахнулась. Господи, все слышала вчера по телевизору. Что можно нового прочесть?

Пока ела, пила кофе, в доме так разогрело, что сделалось душно. Она стряхнула с плеч халат, оставив его на спинке стула, пошла снова в котельную, перекрыла отопление. Вернулась в кухню, порадовалась виду из окна – палисадник после тумана стоял чистенький, умытый, повернула ручку, потянула на себя оконную створку, намереваясь выйти на улицу подышать сентябрьской свежестью, и только шагнула на уличную плитку, как ее накрыло диким воем.

Была женщина. Страшно выла, по-звериному. Понять ни слова было невозможно, а она что-то выкрикивала, это точно. Арина поежилась, вернулась, снова влезла в халат, машинально сунула мобильник в карман и опять поспешила на улицу. Успела лишь переобуться из домашних лохматых тапок в уличные – она их всегда держала в палисаднике прямо под кухонным окном, как вой тут же повторился.

– Уби-ииии!!! – отчетливо слышалось теперь. – Голубу мою убили-ииии!!! Оо-ооо-ооох, господи-ииии!!! Как же это-то а-ааа!!! Уби-ииии!!!

Те самые мурашки, от которых ее знобило даже в теплом доме, сделались сразу огромными, забрались под мышки, вздулись под лопатками, придавили хребет и вползли в горло.

Нет! Господи, сделай так, чтобы эта баба, которая голосит, ошибалась! Чтобы никто никого не убивал, чтобы все были живы-здоровы. И чтобы... и чтобы голубой той самой вдруг оказалась стельная телочка, а по ним тут тоже могли голосить, кормилица ведь.

Господи, сделай так!!!

Арина не помнила, как добежала до калитки в высоченных добротных воротах, как выскочила на улицу, как помчалась на крик. Бесилась вот как, помнила отчетливо. Бесилась, что длинный халат путается в ногах, что садовые тапки скользят по мокрой от тумана траве и норовят соскочить. Еще бесилась, вспомнив, что не расчесалась толком, и волосы теперь торчат на макушке туалетным ершиком. И туман еще...

Господи, этот чертов туман так до конца и не выполз из щелей между домами. Она его ненавидела. Ведь так и знала, что что-то в туман такой случится. Неспроста тот пеленал деревню всю ночь, неспроста.

Добежала, наконец.

Оказывается, орала Митина Вера. Орала так, что вокруг ее дома собралась, кажется, вся деревня. Народ стоял, плотно сдвинувшись телами, и молча наблюдал за Веркиными беснованиями. Пока Арина, толкаясь локтями в спины и бока, лезла вперед, она сообразила, что орет Митина не просто так, а по причине весьма веской.

Во-первых, женщиной была серьезной, неистеричной, непьющей и верующей. Во-вторых, у Митиных не имелось коровы. И голубой могла быть...

– О нет, только не это!!! – простонала Арина, вспомнив про Веркину дочь Аллу. – Только не Аллочка!!!

Аллочка вернулась в деревню год назад после неудачного замужества. Тихая, милая, спокойная женщина двадцати семи лет. Арина впервые столкнулась с ней в магазине через пару месяцев после ее возвращения. Подивилась модельной внешности, кивком поприветствовала и забыла о ее существовании через пять минут. Через полгода вспомнила. Это когда к Новому году ближе в деревню явился Аллочкин бывший муж и устроил скандал с пьяной дракой в

кафе. Потом снова забыла о ней и о муже ее чокнутом. Вспомнила снова, встретив ее на деревенском пляже с молодым мужчиной. Оба были в одежде, сидели на полотенцах вдали ото всех отдыхающих и, как показалось Арине, говорили о чем-то неприятном. Потому что мужчина все время хмурил брови, говорил с надрывом, а Аллочка кусала губы и, кажется, плакала. Глаза потом у нее были красными, вот.

Потом Арина уезжала отдыхать, вернулась в конце августа. Ни с кем особо не говорила, и про Аллочку Митину, и про ее сердитого мужчину, и чокнутого мужа не знала вообще ничего.

И вдруг этот страшный вопль...

– Что случилось? – спросила Арина, прорвавшись наконец к забору дома Митиных. – Почему она так орет?

– Верка-то?

Стоявший сбоку мужик средних лет в широченных шортах и полосатой майке показался Арине знакомым, только вот где и когда она могла его видеть, она вспомнить никак не могла. Деревенский, одним словом.

– Верка, Верка, – закивала она с раздражением. – Чего голосит?

– А случилось что-то у Митиных-то, уже и милиция приехала, – меланхолично отозвался мужик. – Не пускают никого и не выпускают.

За забором, достаточно высоким, кто-то сновал и бегал туда-сюда, Верка выла где-то за домом, кто-то даже отдавал какие-то распоряжения. Помимо Веркиных воплей слышались еще чьи-то всхлипывания. Арина подошла ближе. Ухватила за край доски, покрашенной в зеленое, и подтянулась.

Да, милиция была в лице участкового – молодого малого из города. Тот стоял, подбоченившись, посреди двора – в форме, но без фуражки. Его округлившиеся от ужаса глаза смотрели, не мигая, перед собой. Он не двигался, не отвечал на вопросы Митина-старшего, размахивающего у него перед носом руками, видимо, он размышлял. Кроме него и Митина-старшего, во дворе топталась мать Веры, сгорбившаяся от горя и без конца сморкающаяся в платок. Ее племянница и муж племянницы. Вера продолжала выть за домом.

– Эй, лейтенант, – требовательно позвала его Арина. – Что стряслось?

Лейтенант очнулся от дум, глянул на нее, тут же посуровел.

– Гражданка, отойдите от забора! – рявкнул он, потом повел взглядом вокруг себя и заорал еще громче: – И вообще, всех посторонних прошу удалиться, ну!!!

– Это кто посторонний, я??? – засипел Митин и схватил парня за рубаху на груди. – Я посторонний??? Это ты, мать твою, ни хрена не свой тут! Чего молчишь и столбом стоишь?! Чего ничего не делаешь?!

– Пусти! – Лицо участкового сделалось томатным, он схватился за громадный митинский кулак, попытался вырвать клочок своей рубахи, зажатой в нем, не вышло. – Пусти, ну!!!

– Пацан ты! Пацан желторотый! – заорал вдруг Митин, и его широченные, в сажень, плечи заходили, заплясали от рыданий.

– Василий Николаевич, – позвала его Арина, стараясь утихомирить свое сердце, полное безобразных предчувствий. – Василий Николаевич, что стряслось?

Тот немедленно затих, медленно повернулся, поднял на нее сморщившееся от боли лицо. Потом вдруг встрепенулся, узнав ее.

– Арина Степановна! Господи, как хорошо, что вы здесь, – ахнул Василий Николаевич, поспешил к калитке, распахнул ее. – Входите, ради бога, входите! Хоть вы-то здесь, господа!

Митин знал, кем она была раньше, потому что рыбу удил частенько вместе с Перцевым. И тот как-то проговорился, что работал с Ариной в одном отделе, пока ей в голову моча не ударила – так ведь и сказал, мерзавец, – и она не уволилась, не доработав до пенсии всего-то ничего. Потом Перец вернулся с рыбалки, сел за ее стол и покаялся между второй и третьей

ложками борща, что сдал ее односельчанину. Но сдал по-хорошему, с похвалой и даже лестью – конец цитаты.

Так что Митин знал, что Арина была оперативником номер один в их отделе и что никто не мог лучше ее след брать, разве что Факел.

– Спасибо, гад, – скривилась после похвалы Перцева Арина.

Факелом была их разыскная собака.

– Он никому не скажет, Ир, – утешил тогда Перцев, добив глубокую тарелку борща в рекордное время. – Так что сохранишь ты свое инкогнито. Никто не покусится, поверь.

Рассказал или нет Митин про нее остальным, оставалось для Арины тайной, но после той рыбалки народ вдруг стал с ней здороваться несколько учтивее и даже очередь в магазине уступать. Хотя вот утренних пробежек ей все равно не простили.

Арина прошла вдоль забора, вошла в калитку.

– Что стряслось, Василий Николаевич? – Она взяла Митина за локоть. – Что за беда?

– Аллочку, голубушку... – начал он говорить, но губы задрожали, голос предал. Митин закашлялся, ухватил щепотью глаза, закончил задуманно: – Убили ее, Арина Степановна. Убили!

– Господи! – ахнула она совсем не профессионально и совсем по-бабьи за грудь схватилась. – Как же так?! Как же?!

– Идите туда, сами смотрите, я не могу. Верку... Верку бы оттащить. Вцепилась в дочку-то и не уходит...

Он согнулся пополам, осел на землю и разрыдался в голос, ухватившись за голову обеими руками.

– Лейтенант, идемте, – приказала Арина, забыв, что не при должности теперь и в звании в запасе. – Доложите, что там? Быстро, в двух словах!

Тот неожиданно послушался. Пошел за ней следом и, кажется, даже не удивился, что ему приказывает лохматая непричесанная баба в пижамных штанах, широком теплом халате и сланцах на босу ногу.

– Убита Митина Алла, – проговорил он, когда они сделали только пару шагов.

– Характер ранений?

– Не смог разобрать, мать не дает, но, кажется, ножевое.

– Кто обнаружил тело? Мать?

Дошли до угла дома.

– Мать, – кивнул лейтенант, учтиво отодвигая от ее лица ветки сирени. – Она встала на работу, видит, Алла сидит на скамейке спиной к дому и не шевелится. Сидит в той же одежде, в которой вчера была. Она подошла, тронула ее за плечо, Алла завалилась лицом в землю. Мать кинулась к ней, перевернула, а там... Дальше вы догадываетесь, что было.

Арина кивнула и набрала полную грудь воздуха – они подходили к тому углу, за которым все и случилось. Сейчас произойдет то, от чего она сбежала. Она сейчас окажется на месте преступления. Столкнется нос к носу с родственниками. И должна будет оставаться безучастной, разумной и холодной.

Она должна быть именно такой, а не слезливой размазней, которую тошнит от вида трупов и крови. Которая задыхается от чужого горя. И которая не может отдать под суд кого ни попадя, только чтобы не портить отчетность.

Резко выдохнув, Арина зашла за угол.

Алла лежала на траве, на которую уже кто-то постелил одеяло. Мать стояла перед ней на четвереньках, раскачивалась взад-вперед и выла, не сводя глаз с мертвого лица дочери. Вокруг толпилось человек пять. Кто со стаканом воды, кто с лекарствами, кто с носовыми платками.

– Затоптали все к чертовой матери, – рявкнула Арина, кажется, у нее получилось собраться. – Всех посторонних прошу удалиться. Немедленно!!!

То ли они обрадовались ее появлению, то ли перепугались, но все, кто стоял, ушли. Осталась одна Вера.

– Лейтенант, бери Василия Николаевича и лети сюда, живо!

Лейтенанта как ветром сдуло. Арина медленно пошла к телу, цепко осматривая все вокруг. Скамейка со следами крови. Трава вокруг примята. Понятно, и родственники тоже постарались. Стена дома глухая, без окон. Плодовые деревья – три штуки, заросли смородиновые по всему периметру, забор от соседей высокий. Место преступления идеальное, чтобы прийти и уйти незамеченным.

Да! Да ведь еще туман! Этот мохнатый поганец мог в чистом поле спрятать любого.

– Почему она не ночевала дома, Вера? – строго спросила Арина у матери. – Почему вы не обнаружили ее отсутствия?

– А? – Вера подняла на нее безумные глаза, снова опустила их. – Она не ночевала? Да, да... Она легла уже, потом кто-то позвонил. Спрашиваю, ты куда?

– Так, Вера, встаньте и быстро отвечайте мне по порядку, ну!!! – заорала Арина не своим голосом.

Веру шатнуло в сторону, когда она попыталась встать. Хорошо, лейтенант успел подхватить ее под руки. Арина не стала бы даже пытаться помочь несчастной матери. Упала бы вместе с ней и зарыдала бы так же в голос от ужаса – девушку порезали в клочья, все было залито кровью!

– Кто позвонил, когда? Как она говорила с абонентом? Звонили на мобильный или домашний? Сразу ушла или спустя какое-то время? Вера!!! Ну же?!

– Она... Аллочка, она... Она спать собралась, я уже дремала. Слышала, как она ходит за стенкой и переодевается ко сну.

– Ее спальня через стенку?

– Да.

– Так, дальше.

– Потом звонок. На домашний позвонили. Я крикнула ей, спросила: кто? Она говорит, мам, спи, это меня. Я и... – Вера с клопочущим всхлипом приложила руки к груди. – Уснула я, грешница! Уснула!!! Проснулась утром уже, как на работу идти. Крадусь мимо ее спальни-то, чтобы не разбудить, она вставала всегда позже, а дверь-то нараспах, и кровать не разобрана. И ночнушка сверху так и лежит. Я тут уж перепугалась, выбежала во двор, зову ее. За угол-то заглянула, она сидит на скамеечке. Я к ней, тронула за плечо, она и повалилась. И лежит вот до сих пор, господи!..

– Уведи ее быстро! – рявкнула Алина на участкового, когда Вера снова попыталась упасть на коленки возле тела дочери.

Тот снова послушался и исчез за углом, уводя Веру, еле перебирающую ногами. Арина осталась одна на месте преступления.

В том, что Аллу убили в собственном дворе, она не сомневалась. Убил кто-то хорошо ей знакомый. Незнакомца бы она не привела сюда, к незнакомцу не вышла бы ночью. И не стала бы с ним сидеть на скамейке. Значит...

Значит, это кто-то, кого могли знать и родители? Значит, он был вхож если не в дом, то во двор точно. Она не висела на заборе, разговаривая с человеком, стоящим по ту сторону калитки, она провела его через палисадник, мимо крыльца, увлекая за дом.

Не хотела, чтобы их видели вместе из окон соседних домов? Или хотела побыть с ним наедине?

Этот человек звонил или не он?

Алла вышла из дома сразу после звонка. Но ведь это мог быть кто угодно, так? У нее заранее могла быть назначена встреча, а звонок – это так – совпадение.

С кем она вообще общалась в последнее время? Где работала? С кем дружила, встречалась, спала? Она молодая и красивая, не могла быть в одиночестве.

Хотя и не факт. Она-то вон в одиночестве, съязвила в свой адрес тут же Арина, хотя и не старуха тоже, и не уродина.

Тем не менее в деревне все на виду, кто-то что-то да видел. Кто-то что-то да знал. Если не знал, то догадывался. Тут вообще все очень догадливые, куда пальцем ни ткни. И этот сердитый мужик с пляжа. Кто он?

Арина потопталась с минуту, потом нехотя шагнула к телу убитой девушки. Присела на корточки, подобрал полы длинного халата. Начала внимательно осматривать труп.

Алла вышла вчера поздним вечером из дома в джинсах, тонкой трикотажной кофте с длинными рукавами и резиновых тапках на босу ногу. Так в деревне большинство ходит возле дома. Ни у кого не хватит ума надевать туфли на высоком каблуке, чтобы пойти на огородные грядки за помидорами или смородины собрать на компот. Стало быть, никуда выходить за забор она не собиралась.

Так, дальше...

На теле, лице, запястьях не видно синяков, ссадин, царапин. Стало быть, Алла не боролась с убийцей. У нее даже волосы из хвостика на затылке не выбились. Не было никакой борьбы. Не было и страха нападения. Возможно, они просто разговаривали. А потом, потом это чудовище взяло нож или что-то еще и оборвало жизнь молодой красавицы.

– Ох, боже ты мой... Боже мой... – Арина со вздохом потянула край трикотажной кофточки, пропитавшейся кровью. – Кто же тебя так?!

Левая сторона груди была не изрезана, она была изрешечена ножом. Даже сквозь запекающую кровь можно было рассмотреть, что следы от ножа имели странный, почти ритуальный рисунок в виде ромба. Она же... Она же уже видела такое однажды.

Господи! Арина отшатнулась и еле удержалась на ногах. Резко поднялась, попятилась и тут же полезла в карман за телефоном.

Перцев взял трубку лишь с третьей ее попытки.

– Ирка, тебе чего? – он настырно не называл ее Ариной, считая имя ее глупым, старомодным и совсем ей не шедшим. – Сплю я!

– С дежурства, что ли?

Она чуть не заплакала от радости, услышав его заспанный голос. Все-таки хорошо, что он у нее остался от прежней ее суровой жизни. Хоть он, остальные как-то рассыпались, разметались по ветру без следа.

– С дежурства, с дежурства, чего хотела-то? Шука пошла?

– Господи, Перцев, какая шука?! Труп у меня, понимаешь?! – завопила свистящим шепотом Арина.

– Тру-ууп? – уточнил на всякий случай Перцев.

– Ну!

– У тебя-яяя?

– Ну!

– Труп мыши или... – Перцев глупо хихикнул.

– Идиот! – оборвала его веселье Арина, повысив голос. – Труп молодой женщины, двадцати семи, кажется, лет от роду. Я же говорю, что труп у меня, не догоняешь?!

– Теперь догнал, – не терял прежнего спокойствия Сашка. – Не догнал – чего это у тебя-то? Ты-то там зачем?

– А кто?! Тетка вышла на улицу утром из дома, а на скамейке в саду сидит ее дочь изрезанная. И никого тут, кроме лейтенанта безусого.

– Участковый?

– Он.

– И какие действия предпринимает лейтенант?

– О, господи, Перец, я убью тебя, наверное! Какие он может действия предпринять?!

Дышит глубоко и прерывисто! Мать вот отвел в дом, уже хорошо!

– Так, значит, да? – Сашка хохотнул догадливо. – Рулишь там уже, да, Ир?

– Караулю пока. Все затоптали к чертям собачьим!

– Как обычно. Народу за забором небось полдеревни?

– А то! – Арина отвернулась от трупа девушки, сделала пару шагов к смородиновым зарослям. Помолчала, потом спросила с надеждой: – Саш, приедешь?

– Упс-с! – шумно выдохнул он в трубку. – Че я-то?! Шас кто-нибудь приедет, Ир. Мне-то к чему? Ты дождись там оперов и тоже уходи. Не нужно тебе там крутиться.

– Почему?

– Ушла же! Чего теперь надо-то?!

Она знала, что он ответит именно так. С упреком ответит, хлестко. Он всегда ее упрекал, когда вспоминал ее заполошное бегство из отдела. Он был очень против, один он, наверное, и был против. Остальным было по барабану. Остальные жили в надсаживающих душу буднях, мало на кого оглядываясь.

– Ничего не надо, – буркнула Арина, хотела отключиться, но потом снова обернулась на труп девушки. – Саш... Тут не все понятно с этим убийством.

– О как! С остальными, значит, всегда все понятно тебе было?! Умница ты моя!.. А с этим непонятно!!!

Ясно, он не выспался и завелся теперь. Арина скорбно сложила губы, она станет слушать его ворчание хоть час, хоть два, лишь бы он приехал теперь. Лишь бы не бросил ее тут один на один с этим изрезанным телом.

– Ну! Чего замолкла?! – рявкнул Перцев и громко зашуршал чем-то. – Чего тебе непонятно? За что можно было убить такую умницу и красавицу? Да еще под окнами собственного дома? Так убивают, Ир! И не таких умниц и красавиц убивают! И не под окнами дома, а в доме самом и...

– Заткнись, Перец, – попросила Арина жалобно и покосилась в дальний угол огорода, где в растопыренных влажных капустных листьях еще прятались последние туманные лохмотья. – Прошу, заткнись!

– Ну!

– Убить могут, вопрос, как убить.

Арина отвернулась от грядок, и тут же взгляд ее уперся в покрытый испариной лоб участкового. Тот, бедный, еле держался на ногах. Физиономия бледная, губы сизые, глаза мечутся по сторонам, старательно обходя то место, где лежит на земле труп девушки.

– Эй, чего ты, Ир? Как убили-то? – заорал ей в ухо Перцев.

Она вздохнула, поманила рукой лейтенанта к скамейке. Тот тут же судорожно дернулся всем телом и замотал головой. Отодвинулся к стене дома, оперся о нее спиной и тут же полез в карман за сигаретами.

– Бычки не бросай, – предупредила его Арина и тут же Перцеву: – Ромб на теле, Саша, ромб!

– Сдурела, что ли? – хмыкнул он недоверчиво.

– Сам дурак, – огрызнулась она. – Я точно не уверена, конечно, но... Кофту подняла, а вокруг левой груди аккуратный такой ромбик из порезов, Перец.

– А в центре?

– Не видно там, Саш. Все в крови. Эксперт скажет, есть пятый укол ножом или нет. Ты приедешь?

– Уже оделся, блин, – проворчал он и тут же попросил с жалобной ноткой: – Ир, шла бы ты оттуда, а. Жди меня в доме, а, Ир?

– Ладно. – Она со вздохом глянула на совершенно зеленого лейтенанта. – Дождусь группу и уйду.

Часом позже Перцев нашел ее в кухне ее дома.

Арина сидела с ногами на диване в дальнем уголке, где второй год собиралась сделать камин. Она так и не переделалась, когда вернулась от Митиных. Снова сварила себе кофе, высидела три чашки подряд без сахара и печенья. А потом села, запеленала ноги в длинные полы халата и, крепко зажмурившись, ждала, когда придет Сашка. Мотор его старой машинки она услышала и узнала сразу по характерному чиху. Потом громыкнули ворота, машина привычно подкатила к гаражу, ворота закрылись, и через пару минут Сашка вошел в дом.

– Иринка? Иринка, ты где? – позвал он, как только переступил порог.

Она не отозвалась, лишь выдохнула с облегчением. Перец приехал, значит, все будет теперь хорошо. Он заглянул в гостиную, потом открыл дверь ванной, туалета, гостевой комнаты, чертыхнулся и тогда уже пошел в кухню.

– Чего молчишь? – упрекнул он, усаживаясь с ней рядом на диване. – Уснула, что ли?

– Саш, а сегодня туман снова был. – Арина распахнула глаза, глянула на него жалобно. – Во сне мне снова снился туман. Проснулась – тоже туман. А потом это!!! Саш, так жутко, Саш!!!

Он молча протянул к ее плечу руку, сжал легонько. Про ее боязнь туманных сумерек он знал и не считал блажью, потому что почти так же панически боялся зимних прорубей, однажды едва в ней не погибнув.

– Ир, ты чего окаменела-то, а, Ир? – он легонько двинул ее локтем в бок. – Чего, совсем отвыкла от наших будней, да?

– При чем тут будни?! – сморщилась Арина, сдвинула пятки с дивана, нашарила мохнатые тапки, зашаркала к холодильнику. – Не завтракал?

– Когда же тут! – фыркнул он и тут же уселся за ее стол.

– Руки иди мыть быстро, – вяло скомандовала Арина. – Кофе варить? Или чай?

– Мне по барабану, Ир, ты же знаешь, – крикнул Сашка из коридора, он все же пошел вымыть руки, не стал спорить и утверждать, что умывался час назад.

Арина сделала ему огромный бутерброд с помидором, салатом, ветчиной и майонезом. Навела в большущей кружке сладкого крепкого чая, бросила туда ломтик лимона.

– Может, тебе омлет пожарить? – озаботилась Арина, заметив, с каким волчьим аппетитом кусает Сашка бутерброд. – Или картошечки?

– Успеешь еще, пожаришь, – отозвался он с набитым ртом. – Я же сегодня не уеду, точно. Есть где мне постелить? – Он обернулся и глянул на маленький диванчик в углу. – Да вон хоть там и лягу.

– Да ладно, найду тебе место, Перец. У меня две гостевые спальни пустуют. Можешь за ночь два раза переселиться.

Она так обрадовалась, что не придется сегодня оставаться одной, а если повезет, то и завтра, что чуть не чмокнула Сашку в лысеющую белобрысую макушку. Вовремя собралась, успев отвернуться к плите.

Вот не думала, не гадала, что обрадуется чьему-то присутствию в доме. Так рвалась на волю из отдела, так рвалась из города в деревенскую тишину, так ей хотелось одиночества – спокойного, необременительного, не подгоняемого временем. А тут вдруг...

Все этот чертов туман! Все он – зараза!

Сашка с грохотом поставил чашку на стол, смахнул крошки в ладонь, швырнул их в блюдо.

– Ну! Чего трясешься, Ирка? Какие соображения? Кто, кстати, приехал на место происшествия?

– Я их не знаю, не наш отдел вроде. Никого знакомого, но смотрела я издалека. Могла и ошибиться.

– Говорила с ними?

– Нет, как машина появилась на дороге, я ушла подальше. Участковый их встречал. Ну и... родители погибшей.

– Это ты зря, Ир. – Сашка откинулся на спинку, ее новенький стульчик тревожно под ним скрипнул. – Все равно говорить с тобой станут. Ты же там была!

– Была. – Она села напротив, разложила ладони на столе. – Толку-то?

– Была и что надо рассмотрела, а рассмотрев, очертенела. Как же такое может быть? – отозвался он задумчиво, медленно, слово за словом пододвигаясь к той теме, которую они поклялись друг другу не поднимать больше никогда. – Как же такое может быть, если сука эта сидит? Убийца бежал из тюрьмы? Освободиться-то он не может, ему же двадцать четыре года дали по совокупности и тяжести содеянного. Что тогда? Кто тогда? Подражатель?

Они кинули догадливые взгляды друг на друга за секунду до того, как Арина выпалила:

– Я же говорила вам, что это не он!

– Только вот не надо начинать снова! – расвирипел сразу Перцев. – Я ничью сторону тогда не держал, ни твою, ни...

За вторым «ни» стоял почти весь их отдел и следственный отдел в полном составе, а также начальник, а также прокурор, требующий немедленно представить ему преступника или преступников. Короче, Арина тогда осталась в гордом одиночестве. Никто не стал ее слушать, и молодого парня, за месяц до трагедии вернувшегося из мест лишения свободы, закрыли по подозрению в умышленном убийстве двух сестер, их матери и отчима. Никто не стал его слушать, хотя он до последнего часа вины своей не признавал. Никто всерьез не рассматривал его алиби, хотя оно у него как бы и имелось. Никто не стал слушать воплей Арины, утверждающей, что они все ошибаются. И что этот малахольный, отсидевший за кражу двух овец у соседки, не мог хладнокровно изрезать семью на части, потом вернуться к себе в деревню и лечь спокойно спать, выпив перед этим пол-литра молока с половиной батона.

Ее не послушали, потому что преступление было на контроле у самых высоких чинов государства. Все жаждали крови, дружно разбрасывали сети, вот этот дурак в них и попался. И попался-то потому, что одна из сестер ждала его возвращения из тюрьмы. И после возвращения продолжила с ним встречаться. И он был вхож к ним в дом. А накануне их гибели кто-то из соседей слышал, как они сильно с девушкой скандалили на лестничной клетке. И парень угрожал ей будто бы. Ага! Значит, он!

Арина протестовала, ее никто не слушал.

– Почему не он-то, Воробьева?! – орал на нее начальник. – Чего ты глаза на меня таращишь?! Если не он, то кто?! Давай мне убийцу, тогда этого отпущу!

У нее не было убийцы на примете, друзья и знакомые погибших оказались все сплошь положительными, порядочными, имеющими крепкие алиби на момент убийства.

Парня не отпустили, осудили на двадцать четыре года. Все спешили отрапортовать.

А то, что соседи по деревне видели в ночь убийства его возле дома в одних трусах, когда парень в туалет на огороде ходил, в расчет не взяли.

Кто видел-то? Соседи? Так спились они давно, мало ли, что им могло пригрезиться!

И даже характер ранений, повлекших за собой смерть, никого не смутил. Мало ли... Как хотел, так и резал! Он скот в своей деревне всегда забивал одним ударом в сердце, ни разу не промахнувшись. За ним аж из соседних сел приезжали за помощью.

– А зачем ромбом потом колоть?! – пыталась понять Арина. – Это прямо больше на ритуал какой-то похоже. Зачем так-то?!

– Это вот ты пойдешь и у урода этого спроси, – ответил ей тогда начальник, сноровисто собрав папки со стола, запер их в сейф и поспешил вон из кабинета домой, где его, по слухам, жена молодая дожидалась.

Арина осталась тогда в одиночестве. Никто ее сомнений не поддержал. Даже Перцев. Но хоть за то спасибо, что нейтрального мнения придерживался и настаивал на доследовании.

Доследование не пропустили, времени не было. Да и отчитались уже на самый верх, что преступник пойман. Какое доследование?! Парня посадили.

Тогда-то Арина и начала подумывать об уходе. В тот самый день, когда парню вклеили срок, она и начала подумывать.

Господи, думала она, что она тут делает?! Ради чего гробит свое время, которого, может, лет шестьдесят, в лучшем случае семьдесят ей отпущено небесами?! Ради чего гробит свое здоровье? Плечо от пустякового ножевого ранения ноет в любую непогоду. А могут еще и башку отстрелить запросто. Ради справедливости?! Так попирают ее ради «галочек», еще как попирают! И чего она тогда тут делает?!

Арина ходила в отдел кадров и осторожно так поинтересовалась, что, мол, вот сократят ее если, что и как будет? Сокращение-то грянет и все такое. Ее успокоили, сказав, что стаж она выработала, пенсию ей начислят, и может не бояться ничего, ни сокращения, ни увольнения.

Она и не побоялась и написала через пару месяцев рапорт об увольнении. Правда, перед тем как уйти, спасла одного хорошего человечка от лжесвидетельства группы мерзких лиц. Спасла от реального тюремного срока. Сделала это с великим удовольствием, вопреки кислому физиономиям коллег и неодобрительному кряканью начальства.

Поддержал ее в тот раз Перцев один.

– Ирка, молоток, уважаю! – пробубнил он и растопыренную лапищу для рукопожатия протянул. – Мужик порядочный, ты ему, можно сказать, жизнь спасла. Там бы он не выжил, сломался бы. Или убили бы его. Уважаю, молодец! Он тебе теперь обязан, Ир.

– Отвали ты, – фыркнула она, пожала ему руку и призналась после паузы: – Ухожу я, Перец.

– Да? Здорово, и я домой уже собираюсь, тебя подвезти? – не понял он, сграбастал ключ со стола и к двери двинулся, на ходу дергая молнию куртки.

– Ты не понял, Сашка... – Арина закусил губу, сняла свою куртку с вешалки, застегнулась, подтолкнула его в спину. – Идем, подвезешь все же.

– Идем, – кивнул он лобастой башкой. – А чего я не понял-то?

– Я совсем ухожу, Перец. Совсем! Из отдела, из милиции, из структуры! Совсем, блин!!! Уф, сказала, наконец! – Она нервно хохотнула, покосилась в коридоре на соседнюю дверь, за которой трудился ее бывший Ванечка. – То-то радости некоторым будет, что я не стану тут крутиться.

Про возможную чужую радость Перцев прослушал, он тут как завелся, как забубнил, что она дура несусветная, что никто так не поступает, что уходить так нельзя, ее в черный список внесут, она сроду работы не найдет и все такое.

– Не стану я ничего искать, Перцев. Дома буду сидеть, пенсию получать и носки вязать.

– Ага! По семь метров, через каждый метр пятка! – заржал он со злостью. – Дура ты, Воробьева! Да и не сможешь ты без дела, я же тебя знаю! Они все равно тебя найдут.

– Кто? – не поняла она, села в его машину, потянула на себя ремень безопасности. – Кто меня найдет, Перец?

– Жмурики!..

Потом она долго и бессистемно отдыхала. Ездила к тетке на Урал, потом к другой в Крым, по очереди гостила у кузин, с которыми не виделась лет по двадцать. Встречали хорошо, душевно. Купила по весне дачный участок, попыталась ковырять грядки, не пошло, продала через месяц. Попробовала ходить на восточные танцы, бросила, сочтя, что невероятно нелепо

смотрится с голым пупком и в прозрачных шароварах. Вернулась в спортзал, ее вспомнили, ей обрадовались. Больше всех, кажется, Перцев. Хотя вида и не подал, хмуро кивнув при встрече. Потом после тренировки догнал, схватил за руку.

– погоди, Ир. – Тут же засопел в сторону, надулся, а когда она попыталась взять его за руку, резко ее выдернул. – Чего пропала-то, не звонишь? Телефон поменяла, сто раз набирал, ты не абонент. Дома тебя нет. Чего так-то, Ир?! Я-то тебе чего?

– Не парься, Перец. – От его жгучей обиды она так растрогалась, что в горле тут же запершило и захотелось вдруг погладить его по лобастой плешивой голове. – Тут я, тут. Телефон был отключен, потому что я немного по родственникам попутешествовала.

– Точно? – Он недоверчиво покосился в ее сторону.

– Ну! Не веришь, что ли?

– Верю...

Он помолчал, рассматривая ее и оценивая ее новый облик. Арина успела отрастить волосы до плеч, стала носить длинное пальто, сапоги на каблуках.

– Классно выглядишь, Воробьева, – похвалил он вдруг и полез в машину, покопался там, вылез с тонкой папкой на тесемках. – На вот, передали тебе. А я тебя найти все не могу и не могу, блин.

– А что там?

В голове засновали мысли о неожиданной награде, нашедшей героиню спустя три месяца после увольнения, о звании, присвоенном ей вдруг, о какой-нибудь неожиданно щедрой дотации, приплюсованной к пенсии.

– Там? Там подарок, Ирка. Ты и мечтать не смела.

И он хотел было уехать, да она не отпустила, вцепившись в рукав его куртки. Держала до тех пор, пока не прочла. А как прочла, глаза на него вытаращила.

– Это что, Перец?! Дом?! В подарок?!

– Дом, только его еще доделать надо. Там окна, двери, голые стены и коммуникации только, больше ничего, я ездил смотреть, – объяснил он, наслаждаясь ее изумлением. Прямотаки с мстительным удовольствием он теперь на нее смотрел. – Тот мужик, которому ты жизнь буквально спасла, за границу уехал на ПМЖ, дом сначала хотел продать, потом передумал.

– Не ты ему помог передумать-то? – ахала Арина, листая бумаги на дом.

– Нет, слово даю. Он ко мне в отдел завалил уже с бумагами. Хотел тебе торжественно вручить, расстроился, что не застал. Вот меня душеприказчиком сделал. Хороший мужик, Ирка. Ты права оказалась.

– Я всегда права, – отозвалась она ворчливо, потрясла папкой. – Поехали, что ли, покажешь.

Место ей очень понравилось. И дом, высоченный, с флюгером, хотя внутри и не отделанный совсем, тоже очень понравился. И деревянные неструганные половицы не пугали вовсе, и серые оштукатуренные стены, и то, что до города почти час езды.

Все понравилось, кроме истории про этот дом, которую ей Перцев все же рассказал.

Оказывается, дом тот дядя дарить ей совсем даже и не собирался. Он собирался его продать или сдать внаем на долгий срок. Но те люди, которым очень хотелось, да так и не удалось засадить его в тюрьму, дышали ему в затылок, карауля все его сделки с недвижимостью и прочим. И угрожали ему, и возврата несуществующих долгов требовали. И получалось, продай он дом, сдай его, ничего бы ему не досталось. Все отобрали бы у него, способы нашли бы.

– Вот тогда-то он и пришел к тебе за советом, – рассказывал с удовольствием Перцев, разгуливая по голым комнатам ее нового дома.

– Ко мне?

– Ну да, к тебе. А тебя нет. Он ко мне за советом кинулся, я и это... присоветовал подарить этот дом тебе в качестве компенсации за свободу. Говорю, все равно ничего не получишь с него, кроме головняка. А так и Ирке хорошо, и тебе, мол, все равно.

– И он согласился? – подозрительно шурила она глаза.

– Еще бы он не согласился!..

Видимо, у Перцева имелись еще какие-то аргументы для убеждения расстроенного хозяина дома, но ей он их озвучивать не стал.

Так вот она и переехала из городской квартиры за город. Не сразу, конечно. Долго делала ремонт, обставлялась, влезала в долги. Когда переехала, квартиру городскую продала, чтобы покрыть все расходы. Родственники помогли, даже не ожидала. Пришлось согласиться читать курс лекций в одном из универов, ее давно туда звали. Так что набрала денег на все: и на дом с его недешевым совсем содержанием, и на мебель, и на хлеб с маслом.

Перец тоже ей денег совал, она не взяла. Он обиделся и пропал надолго, а потом вот стал приезжать в выходные на рыбалку.

Теперь-то что? Теперь-то как? Селить его у себя, что ли?! Жить-то ей теперь одной в этом доме жутко страшно! А если снова туман, что тогда?! А если этот гадкий туман, сползая по деревне, оставит после себя еще одну жертву?!

– Саш, что делать?! – первой нарушила долгую паузу Арина. – Ты же не дурак, понимаешь, что...

– Я ничего как раз и не понимаю! – взорвался Перцев и полез из-за стола, едва не развалив ее новенький хрупкий стульчик, медведь. – Я не понимаю, чего ты так переполошилась?! Убил ее кто-то из близкого окружения, так?

– Возможно, – ответила она уклончиво, тут же вспомнив бывшего мужа жертвы – глупого и скандального – и того сердитого дядьку с пляжа.

– Этот из ее окружения мог вполне быть ознакомлен с историей того нашумевшего преступления. Мог?

– Запросто, не писал тогда об этом только ленивый. Причем некоторые слюной захлебывались, смакуя подробности. И характер ранений был освещен также, но...

– Чего но-то, Ир? Чего но?! Вот тебе и ответ на твои сомнительные вопросы: либо это имитатор, либо это ритуальное убийство, – скомкал свою речь неожиданным финалом Перцев, отошел к ее огромному окну до пола и уставился сердито в палисадник. Потом добавил все же: – Ты же помнишь, что такой характерный рисунок своим жертвам наносили при жертвоприношениях какие-то религиозные фанатики?

– Помню, Саш. – Арина тут же выгнула рот скептической скобкой. – Только в тот раз моя версия не нашла подтверждения. Ни у кого из вас не вызвала интереса!

– Я-то при чем?!

– Хорошо, ты ни при чем. Но ни у кого, кроме тебя, моя версия не нашла поддержки. Пофыркали и забыли. Значит, в прошлый раз это на ритуальное убийство не походило, а сейчас...

Неожиданно Перцев сильным движением рванул на себя одну из створок ее огромного окна, шагнул из кухни и через мгновение скрылся из поля ее зрения.

Она так переполошилась, что он сейчас сядет в свой вечно фыркающий автомобиль и уедет, привычно не сказав ей ни слова, что помчалась за ним следом. Догнать не удалось, Сашки нигде не было, машина стояла на месте, значит, он не уехал. Возможно, ушел на место преступления. Возможно, решил переговорить с кем-нибудь из жителей деревни. А может, просто удрал от ее обвинений. Но она ведь не то чтобы обвиняла, она упрекала. И его тоже, кстати, немного упрекала. Он тогда не встал на ее сторону. Он ничью сторону не принял. Но ведь, не приняв ничью сторону, не поддержал же ее? Не поддержал. Значит, на нем тоже часть вины имеется.

Арина вернулась в дом, закрыла окно, ежась от сентябрьской прохлады. Положила курицу в большое блюдо и поставила под проточную воду. Так быстрее разморозится. Надо срочно шпиговать ее пряностями и совать в духовку, иначе Перцева ей тут не удержать. А она хотела, чтобы он остался. Первый раз за все время проживания в этом доме ей хотелось, чтобы рядом был кто-то еще. Чтобы топал, гремел посудой, ворчал и хлопал дверями.

Она боялась! Боялась смертельно, и ей не стыдно было в этом признаться самой себе. Перцеву, видимо, придется признаваться тоже. Разве сам он догадается?

Толстокожий и бесчувственный! Такими обвинениями сыпала в его адрес Инна, решившая бросить Сашку. Обо всем-то ему надо говорить и напоминать по сотне раз. И он все равно забудет! И он все равно не догадается! То ли из лениости природной, то ли из тупости врожденной.

Арина его не считала ни ленивым, ни тупым, но сидеть сложа руки и ждать, пока Сашка догадается и сочтет необходимым немного ее постеречь, полагала лишним. Она сама ему все скажет.

К моменту его возвращения курица в духовке уже румянилась, и по дому носились такие ароматы, что когда он вошел, то застонал приглушенно.

– Ирка, чего творишь-то? У меня аж живот свело! – Он посмотрел на свои грязные ботинки, стащил их с ног и выставил под окно на улицу.

– Мой руки, садись к столу, – мягко попросила она.

И недовольно подумала тут же о себе, что слишком уж как-то раскомандовалась, слишком уж как-то собственнически ведет себя с ним. Он же не Ванечка! И даже не мужчина ее мечты. И даже не пытался ни разу им стать. Он просто друг, бывший коллега, просто Сашка, просто Перцев.

Перцев поплескал водичкой под краном, небрежно вытер руки кухонным полотенцем, повертел ее хрупкий стул, отодвинул его и потащил из прихожей добротное деревянное кресло. Его Арина откопала на городской барахолке. Выклянчила у старичка, утверждающего, что это восемнадцатый век, по сходной цене, зачистила шкуркой, покрыла морилкой, потом в три слоя лаком. Вышло просто замечательно. Но сидеть на нем, конечно же, было жестко и неудобно. Она и оставила его в прихожей возле гардеробной. Когда-то да могло пригодиться. Сашке вот и пригодилось.

– Ну! Корми, Ирка! – приказал он, разложив громадные ладони на столе вокруг тарелки. – Чем так потрясающе пахнет?

– Курицей, – скромно ответила она, потащила противень из духовки. – И еще картошкой, запеченной с курицей. Салат есть, вчерашнее печенье. Будешь?

– Буду все! – Он звучно сглотнул слюну и потом в течение пяти минут с алчным нетерпеливым блеском в глазах наблюдал за тем, как Арина сервирует стол.

Она чинно села напротив Перцева. Переодеться не успела, все так же была в теплой пижаме и длинном халате. И прическа не ахти, макушка все так же топорщилась ершиком, хотя она и причесывалась.

Ну, ничего, переживет. Он ее и не такой растрепанной видел. И в грязи однажды валялись с ним, когда группу идиотов-подростков караулили, которые повадились на железнодорожных складах жить. И во время дежурства на столах рабочих спать приходилось. Помотало их, короче.

Сашка набросился на еду, будто не ел неделю. От половинки курицы вскоре не осталось ничего, кроме тщательно обглоданных косточек. Потом пришла очередь картофеля, салата. Вчерашнее печенье ушло влет. Две чашки чая. Ел молча, сосредоточенно, не глядя на Арину.

– Ну... – довольно обронил он, отодвигая от себя пустую посуду. – Кажется, все...

– Саш, Саш, погоди! – Арина испуганно вцепилась в его лапищу, лениво лежавшую на столе. – Саш, есть разговор.

– Если ты об утреннем происшествии, то это не мое дело, – он сердито отнял руку, встал, сунул ее в карман штанов. И добавил уже строже: – И не твое уж тем более! Живи, как жила, органы разберутся.

– Какие органы, Саш?! Какие органы?! Лейтенант безусый?! Он чуть в обморок не падал, когда...

– Ир-рраа!!! – взревел Перцев и, приподняв тяжеленное деревянное кресло, с силой грохнул им об пол. – Я сказал тебе: не твое дело!!! Знаешь, кто там был на выезде? А я скажу! Твой давний знакомый. Тот самый, что с тобой собачился по тому делу с тяжкими телесными, повлекшими смерть двух и более лиц!

– Воеводин?! – ахнула Арина, прижимая ладошки к груди. – Это такая... Такая, Саш, сволочь!

– В курсе, – кивнул угрюмо Сашка. – Так вот участковый ему уже доложил, кто имел доступ к телу.

– Меня имел в виду?

– Тебя и меня тоже, дорогая бывшая коллега. – Перцев отчетливо скрипнул зубами.

– И чего?

– А того! – Сашка оперся коленкой на кресло, глянул за окно, качнул чему-то головой, какой-то грустной думке, искажившей его лицо до неузнаваемости. Потом проговорил со вздохом: – Сказал, что странные истории случаются в тех местах, где вдруг ты решила поселиться. Странные истории, пугающие и настораживающие.

– То есть?

Внутри у Арины противно заныло. Этот Воеводин мог договориться до чего угодно. Так мало этого, к нему прислушивались! К этой пафосной морде, выдумывающей небылицы, прислушивались высоко наверху!

– То есть он подчеркнул, что прошлое подобное убийство было совершено в соседнем с твоим районе, вот так, – печально закончил Сашка и снова оседлал ее деревянное раритетное, возможно, кресло.

– Вот урод, а! – ахнула Арина.

– Урод, – поддакнул он.

– Извращенец!

– А то! – снова не возразил Сашка, потом мотнул лобастой лысеющей башкой и нацелил в Арину палец. – Вот поэтому ты и станешь сидеть смирно, ага? Обещаешь, Ир? Хоть его и не послушал никто, просто посмеялись. Но сидеть ты станешь смирно. Поняла?

Арина надула губы, начав чертить ногтем по столу вензеля.

Если дать Сашке обещание, значит, не лезть вообще ни во что. Вообще!!! А она ведь уже планчик в голове набросала, о чем с кем говорить станет в первую очередь.

С мамой Верой, конечно же, когда та немного придет в себя. Потом с отцом. Нужно выяснить, где работала их дочь перед увольнением. Где жила. С кем дружила, встречалась. Кто был тот мужчина на пляже, не вызвавший на лице девушки ни единой улыбки. И вообще, работы было непочатый край. А он с нее обещание требует. Как быть? Ведь если стрясет его с нее, она же его не нарушит.

Арина подняла на него маетный взгляд.

– Саш, ну не требуй с меня этого, а! Ты же знаешь, что я не могу сидеть сложа руки и ждать, когда...

– Не можешь – в отдел возвращайся, я похлопочу, – неожиданно предложил он. – Работать некому, молодняк ни черта не годится.

– А я гожусь, да?

– Ты годишься. У тебя нюх!

Он поднял на нее взгляд, полный надежды.

– Нет, Перец, не уговаривай, – замотала Арина головой и даже зажмурилась, вспомнив свое отчаяние перед увольнением. – Меня там так все достало!!! До сих пор зубы скрипят, как вспомню.

– Понял.

Сашка слез с деревянного кресла, походил по ее кухне, осторожно ступая в носках по ее лаковым половицам. Вдруг вперил взгляд в угол, где у нее пока диван стоял.

– Сюда камин просится, Ир, – ткнул он пальцем в угол.

– В курсе. Собираюсь. Да все недосуг.

Арина начала убирать со стола, удивившись про себя своей пустой тарелке. Даже не помнила, как все съела, находясь мыслями далеко отсюда. Даже вкуса не почувствовала, если честно. Да и за Сашкой все больше следила. Как он ест, как думает, как смотрит на нее строго и непримиримо. Он и сейчас спиной к ней встал и молчит. А когда повернется, неизвестно еще, что отмочит.

– А я умею камин класть, прикинь, Ир, – выдал он ей с радостной улыбкой. – И чертежи у меня есть. Четыре разных камин, выберешь, какой хочешь.

Она уставилась на него с открытым ртом.

Что сейчас было, интересно? Он, буравя ее угол взглядом, придумывал причину, чтобы остаться у нее на подольше? Точно! Он же не мог просто так. Он должен был по причине. А то навывдумывают...

И ничего лучшего не придумал, как камин ей сделать. Ай, молодец!!! Ай да Перец!

Да она ему весь дом готова отдать на переустройство, лишь бы он тут побыл, ну хотя бы недельку-другую. Арина искренне надеялась, что этого времени ей хватит на восстановление душевного равновесия. Пусть стены ломает, пусть кирпичи кладет! Не получится камин, пускай будет печь! Русская, о! Со старомодной заслонкой и шторкой, огораживающей спальное место. Она готова!

– Чего лыбишься-то, Воробьева? Согласна, нет?

– Согласна! Пусть будет камин, Перец! Только... – Она прикусила губу, чтобы так откровенно не радоваться, улыбаясь. – Только как же ты станешь камин делать, работать, ездить каждый день в город и обратно и...

– Да не стану я ездить, Ир, хорош комедию ломать, – оборвал он ее, обхватил свой затылок ладонями, хмыкнул. – Тебе не хотелось, чтобы я уезжал. Потому что трусишь. Мне не хотелось тебя тут оставлять одну, потому что полезешь куда-нибудь не туда, дров наломаешь, башки еще чего доброго лишишься. А мне что тогда делать? Век доживать с чувством вины? Нет уж, Воробьева. Потерпишь мое присутствие пару недель. Ну а пока буду вынужден тебя охранять, стану камин тебе возводить.

– А работа?

Чтобы не выдать своего разочарования от его прямолинейной пронзительности, Арина схватила со стола и потащила гору тарелок в раковину. И тут же принялась скоблить их губкой, забыв совсем, что посудомоечную машину приобрела еще полгода назад.

Чувство вины его, вишь, возможное тревожит! Мучиться им остаток дней своих не желает! Не потому остается, что ее ему жаль, а для того чтобы обеспечить себе спокойную, не отягощенную угрызениями совести старость.

Дубина! Права, наверное, была Инка, дубина и есть! Неотесанная, невоспитанная, напрочь лишённая галантности. Мог бы и соврать что-нибудь покрасивее.

– Работа не волк, в лес не убежит, – задумчиво пробормотал Перцев за ее спиной и тут же начал двигать мебель.

– Ты чего делаешь, Перец?! – вытаращилась Арина, обернувшись. – Поставь диван на место!

– Не поставлю, камин тут будет, Воробьева. А диван я вон к окошку поставлю. Там ему место, лежишь так, в окошко посматриваешь, оно у тебя огромное, – и он с пыhtением принялся толкать диван к ее огромному окну до пола.

– Там стол стоит! – разозлилась Арина, швырнула губку в раковину, забрызгав мыльной пеной плитку на стене, рванула Перцеву наперерез. – Не смей! Там стол стоит, там его место! Я люблю сидеть, пить кофе, завтракать, читать газеты, журналы и на розы свои посматривать, понял?! Я это люблю, Перцев!!!

Он выпрямился, глянул на нее как-то странно, будто видел впервые. А потом неожиданно произнес:

– Это хорошо, Ир.

– Что хорошо?

Она беспомощно оглядывала свою кухню и уже немножко, самым краешком сознания, отвечающего за уют, жалела, что отдала ее в распоряжение Перцеву. Он тут такого наворочать может. Вон уже и пол покорябал жесткими диванными колесиками.

– Что хорошо? – повторила она вопрос, оставшийся без ответа.

– Что ты хоть что-то еще пока любишь. И за что-то еще пока тревожишься, – ответил он серьезно и, пропустив мимо ушей ее возмущенный клетот, снова ухватился за край дивана. – Куда теперь-то?..

Глава 2

Совещание закончилось около восьми вечера. С него все разошлись сначала по своим кабинетам, потом тихонько двинулись к выходу, старательно осматривая коридор перед этим, чтобы не наткнуться на начальство, пребывающее в диком бешенстве. Поговаривали, что не только неприятностями по службе было вызвано то бешенство, а тем еще, что молодая супруга будто бы начала потихоньку погуливать от молодящегося Сергея Ивановича Сячинова.

– И правильно, между прочим, сделала! – провозгласила шепотом перед совещанием секретарша Валя, беспардонно озорничая глазами по тому месту, что ниже ремней у сотрудников. – Нечего было жену бросать и с этой стервой вязаться! Я как увидела ее, так сразу поняла... Увенчает она голову нашего Сергуни украшением, непременно увенчает.

Вообще-то раньше она Сячинова очень жалела, уважала, помогала, когда это было в ее силах. Поговаривали, что даже была когда-то в него безнадежно влюблена, но, зная, что он женат, никогда не обнажала своих чувств. С семьей его дружна была, могла часами разговаривать с женой Сячинова, скрадывая той одиночество, если ее муж бывал в отъезде или проводил совещание. Здоровьем детей интересовалась, не забывала поздравлять в праздники и дни рождения, присылала маленькие смешные сувенирчики. И когда Сергея Ивановича неожиданно бес ухватил за ребро в его неполные пятьдесят, Валечка дико заперевживала. За кого она больше переживала, за жену его обманутую или за себя – благородную, не поправшую чужое счастье, для всех так и осталось тайной, но новую пассию Сячинова Валечка на дух не переносила. Со временем ее неприязнь достигла таких размеров, что накрыла с головой и самого Сергея Ивановича.

Нет, нет, внешне это никак не выразалось, упаси господи! Валечка по-прежнему была с ним вежлива, приветлива, исполнительна. И работу свою с тем же рвением выполняла. Но вот лишился в ее лице Сячинов верного сочувствующего человечка, и все тут. Теперь, кто желал, мог в ее присутствии отпустить колкость в его адрес, это прощалось. А нет-нет Валечка и сама могла воткнуть шпильку в слабое место Сергея Ивановича. А самым слабым местом у него теперь была его молодая супруга. Которая, болтают, нашла себе молодого бойфренда, с ним она таскалась ночами по клубам, когда супруг бывал в отъезде или на дежурстве. Поймана, правда, с поличным не была, но слухи опутали весь отдел.

Иван высунулся из-за двери, глянул вдоль коридора – чисто. Он осторожно ступил на коридорный кафель, тихо, без стука, прикрыл дверь, дважды повернул ключ. Сдерживая дыхание, выдохнул, развернулся и...

– Драпаешь, Ванечка? – едко поинтересовался Сячинов.

Он стоял, заложив руки за спину, и с понимающей ухмылкой смотрел на Ивана. Китель начальник снял, оставшись в форменной рубашке с закатанными выше локтей рукавами. И если нюх Ивану не изменял, от Сячинова пахло спиртным.

– Почему драпаю? – Иван нервно дернул губами, пытаясь улыбнуться. – Домой собрался.

– А-аа, понятно. А я вот к тебе, – тут Сячинов, словно фокусник, извлек из-за спины початую бутылку коньяка. – Уважишь старика, красавчик?

– Да о чем разговор? – фальшиво оживился Иван и завертел ключом в обратном направлении, распахнул дверь, нашарил на стене выключатель. – Входите, конечно, выпьем, Сергей Иванович. Чего не выпить после напряженного дня, так?

А про себя тут же съезжился от перспективы двухчасового объяснения с Инкой. Сколько он станет отсутствовать по времени, столько она станет его потом и пилить. Он даже засекал не единожды, время совпадало. Сячинов явно не на десять минут настроен. Пить привык маленькими дозами, долго, смакуя выпивку и разговор под нее. Два часа, как ни крути! Значит, дома будет почти в одиннадцать. Может, она уснуть к тому времени успеет, а? Ей же покой нужен,

господи! Когда и что может ее уговорить?! Иван со вздохом полез в одежный шкаф за стаканами и закуской.

Начальник вошел, плотно прикрыл за собой дверь, с грохотом поставил бутылку на пустой стол, с шумным пыхтением опустился на стул. И минут пять молча наблюдал за тем, как Ваня распечатывает пачку с соленым печеньем, нарезает яблоко, чистит два мандарина и крохотными ломтиками нарезает оставшийся от обеда плавленый сыр.

– Негусто, Ваня, – проворчал он и, открыв бутылку, щедро плеснул в оба стакана. – Да и ладно, не жрать же я к тебе пришел.

«А чего пришел-то? – кричал томящийся взгляд Ивана. – Чего понадобилось? Что тебе во мне? Неприятностями семейной жизни хочешь поделиться? Так и у меня дела не сахар. Меня тоже достают и зажимают».

– А пришел я к тебе, Ваня, поговорить. За жизнь поговорить, – уточнил Сячинов, крикнул «будем», выпил, закинул ломтик яблока в рот, скривился то ли коньяку, то ли яблоку. – Совет от тебя хочу получить.

– Всегда рад, если это в моих силах, – осторожно пробубнил Иван, залепив себе рот крекером.

Черт знает, чем он сейчас станет заниматься! Совет Сячинову дать, понимаешь! Они нужны ему, как рыбе зонт! По другой он тут причине. Сидит, жует, глазами его сверлит, а говорить ничего не говорит. А ты сиди и догадывайся, где улыбнуться нужно, а где кивнуть согласно.

Ох, домой бы сейчас. И не столько к жене хотелось – та в последние дни распустилась в своем брюзжании донельзя, – сколько к уюту, ею созданному. Дома тепло, чисто, пахнет вкусным всегда чем-нибудь. Сегодня на ужин обещала бифштексы с картошкой и его любимый салат из овощей, со свеклой и маринованными огурчиками. Он у Инки знатно получался, как, впрочем, и все остальное.

За что бы ни бралась, все у нее выходило. Как лихо его на себе женила, как быстро, и не напрягаясь совершенно. Он даже не понял, как в ЗАГСе оказался с букетом дурацким и в костюме, который всю дорогу давил под мышками, будто у него там по кобуре. Аринка сколько жила с ним, ни разу о замужестве не заговаривала. Просто жила с ним, казалась счастливой и ни на чем не настаивала. А Инка...

Все вроде бы ей удалось и удавалось, а вот счастливой она при этом не выглядела. Ныла и ныла, брюзжала и брюзжала. Брюки он не в то место кладет, носки не там оставляет, пеной для бритья на зеркало попадает, зубную щетку плохо прополаскивает. Много смотрит телевизор и молчит при этом, развалившись на диване. На вопрос, как можно смотреть телевизор и разговаривать одновременно, Инка надула губы, а потом выдала, что он такой же тупой, как Перцев. Что ей просто нужно его внимание и забота. Ей тяжело без него. Но Ивану все чаще стало казаться, что тяжелее всего Инке с самой собой.

– Вот скажи-ка мне, Ваня, почему ты расстался с Воробьевой?

Этого вопроса Иван никак не ожидал и, конечно же, отвечать на него не собирался. Он же не мог признаться Сячинову, что Арина его просто-напросто выставила из своей квартиры, из своей жизни, из своей памяти. Он позвонил ей как-то после той злополучной рыбалки, когда у Инки снова все получилось. Представился, когда она не узнала его или сделала вид, что не узнала. И что Арина сказала? Она сказала, что не помнит такого человека.

– Только не носи тут всякий вздор, что вы не сошлись характерами! – предупредил его Сячинов, снова налил, небрежно чокнулся своим стаканом о его, потянул ко рту, успев проговорить, прежде чем выпить: – Более гармоничного союза, чем вы с Воробьевой, мне наблюдать не приходилось.

– Правда? – удивленно поднял брови Иван и тоже последовал примеру начальника, только крекер больше в себя запихивать не стал, мандаринку схватил. – Удивительно...

– Нет ничего тут удивительного, – огрызнулся Сергей Иванович. – Воробьева – вот что удивительное. Самое удивительное, что могло случиться с тобой, Ваня. Так ответь мне...

Аринка удивительная?!

Иван скептически выкатил нижнюю губу. Он, если честно, всегда считал ее самой обыкновенной, если вообще не заурядной. Привлекательной считал еще, понимающей. Считал удобной, как старые спортивные штаны, которые любишь носить, но в которых на людях появляться неприлично. С Аринкой ему тоже как-то не всегда хотелось рисоваться. Чего-то ей всегда не хватало. Лоска какого-то светского, умения поддержать пустую глупую беседу, способную вылиться потом в нужное знакомство, а то и в дружбу. Она этого не имела и приобретать не желала. Одеваться модно тоже не желала, считая штаны в обтяжку и свитера с блузками так же жутко неудобными. И когда ей случалось надевать вечернее платье, Ивану всегда казалось, что Ирка в форме.

Удивительная... Хм-м, удивительно просто, что Сячинов считает ее такой.

– Так ответь мне, Ваня... – глаз у начальника заметно посоловел. – Почему ты просрал такую бабу?! Молчишь?! Так я за тебя отвечу, красавчик! Ты просрал такую шикарную, удивительную бабу, как Аринка Воробьева, потому что променял ее на шлюху!

– Сергей Иванович, я вас прошу, – с обидой засопел Иван и без приглашения налил себе. – Она же мне жена все-таки!

– И мне жена, Ваня! И мне моя сучка молоденькая тоже жена! – громким шепотом запричитал Сячинов. – Только вот не понимают они, что такое настоящая жена, Ваня! Не понимают, когда надо говорить, а когда надо заткнуться. Когда надо на глаза попасться, а когда в своем углу тихо сидеть. Сейчас небось явишься, тебя твоя – из-под Перцева – пилить начнет?

Иван не ответил. Выпил, не закусывая, и полез в стол к коллеге сигареты искать. Курил он крайне редко, привычкой это не считал, скорее способом разрядить обстановку. Сейчас обстановка была накалена до пурпура. Он ведь терпеливый человек, конечно, но может ведь и не посмотреть, что перед ним начальник, может и в зубы дать.

Как, как он про Инку сказал? Из-под Перцева?! Сволочь старая! Завидует просто, что у Ивана все складывается не так, как у него. И что Инка беременная, завидует. А его малолетка аборт, болтают, полгода назад сделала. Может, врут, а может, и нет. Валентина шептала всем и каждому, значит, правда.

– Ничего она не начнет, товарищ полковник, – официально заявил Иван, выпустив изо рта широченный шлейф дыма. – Ужин сначала мне согреет, а потом тело.

– А душа? Душа, Ваня, все равно зябнуть станет. Это главное-то...

Сячинов тоже выпил, уронил голову на грудь и молчал какое-то время. Иван даже забеспокоился, не уснул бы начальник в его кабинете. Чего тогда делать-то? Караулить его тут? Или к молодой супруге тащить на горбу? Вот еще незадача.

Но Сячинов голову вскинул бодро и почти трезвым взглядом окинул его всего от аккуратно причесанной макушки до новых модных туфель, купленных ему Инкой. Она теперь отвечала за его гардероб, и ее вкусу он доверял. Пока не подводила.

– А ты ведь у нас красавчик, Ваня, – заметил Сячинов с каким-то непонятым Ивану подвохом. – Аринка не зря по тебе сохла... когда-то.

Может, и теперь сохнет, отметил про себя Иван, пряча глаза за стаканом. Она же любила его очень сильно. Не могло же это чувство бесследно исчезнуть так скоро?

Почему-то ему необходимо было сознавать, что Арина его не разлюбила. Пусть он считал ее заурядной, пусть не испытывал к ней того, что будила в нем взбалмошная Инка, но вот думать о том, что Арина к нему охладела, ему не хотелось.

«Когда-то!» – хотелось ему фыркнуть. Она еще очень долго будет его помнить и, может, даже сохнуть по нему с прежней силой.

– Теперь-то у нее все уже прошло, – говорил будто сам с собой Сячинов, машинально кроша крекер на столе. – У них это быстро проходит, у баб-то. Моя, вон, бывшая даже по телефону говорить со мной не желает. Просто слышит мой голос в трубке и отключается. Не ругает, не бранит, не зовет обратно. Просто нет меня для нее, и все. А у тебя как, красавчик?

– Ну... Я и не звоню Воробьевой, если честно, – с вызовом ответил Иван, неодобрительно покосился на гору крошек от печенья возле начальствующей длани.

– А почему? – съезжил тот недоверчивую ухмылку.

– Да необходимости как-то нет.

– Ага... Боюсь, Ваня, теперь она у тебя появилась, необходимость эта, – начальник хихикнул, одним движением смахнул крошки со стола и швырнул их в корзину для мусора, половину просыпал на пол, правда.

– Чего это?

Иван опешил. Звонить Арине?! С какой стати?! Он не скучал, да и вспоминать старался реже, чтобы Инка не угадала его настроение, особенно в те минуты, когда она особенно свирепствовала.

– А нужна мне твоя Арина, Ваня.

– Она не моя, – возразил Иван с капризными нотками в голосе. – Да и не знаю я, где ее искать.

– Знаешь, – сразу распознал его вранье Сячинов. – Не знаешь, у Перцева спросишь. Они будто жить начали вместе.

– Чего??? Чего???

От неожиданности он приподнял свой зад со стула, но коньяк сделал свое дело, Иван не удержал себя и уронил обратно. Смысл слов Сячинова дошел до него не сразу. А когда дошел, то вызвал недоверчивую улыбку.

– Да ладно вам, Сергей Иванович, смеяться! – фыркнул он через минуту. – Чтобы Перцев с Аринкой?! Не верю!

– Мне на твое неверие плевать, Ванечка. – Зубы у Сячинова захрустели. – Я говорю то, что знаю. Перцев после убийства гражданки Митиной поселился у Арины в доме. И телефон в дежурке оставил свой мобильный, ее мобильный и ее домашний. Вот так вот!

– Охраняет, что ли? – замотал головой Иван, пытаясь разогнать хмель и осознать все в полной мере.

– Может, охраняет, а может, и еще чего, – туманно ответил Сячинов, взял бутылку в руки и вылил из нее остатки коньяка в свой стакан. – Они молодые, красивые, здоровые. Могут еще и детей нарожать.

– Ага, нарожают, – скривился Иван, представив себе Арину беременной. – Что он в роли отца, что она в роли матери...

– А тебе-то откуда знать, какой матерью она может стать, красавчик? – неожиданно Сячинов за Арину очень обиделся, потому что, невзирая на ее вечное нежелание соглашаться с общепринятым мнением, ее очень уважал. – Аринка путевая баба, порядочная и вообще... красавица.

– Кто? Аринка красавица?! – Он чуть не поперхнулся. – Нашли тоже красотку! Обычная она, совершенно обычная. Кажется, я повторяюсь...

Неожиданно Ивану вдруг сделалось противно сидение в рабочем кабинете за столом, усыпанным раскрошенным Сячиновым крекером. Противны сделались его речи. Противны намеки какие-то странные, сравнения. Нашел тоже с кем Аринку сравнивать, с красавицей! Она не уродина, конечно, и фигура у нее, и ноги что надо, но что далека от совершенства – это сто пудов. Интересно, что Перцу возле нее понадобилось? Греет свое разбитое сердце в Аринкиных руках? Или правда охраняет Аринку? Она же вроде одна живет в большущем доме. Может, боится чего?

Иван как-то не поленился, проехал мимо. Дом в самом деле шикарный, большой, выглядел ухоженным даже с дороги. И палисадник с розовыми кустами тоже выглядел ухоженным. Он еще удивился Аринкиному трудолюбию. Когда они жили вместе, у нее никогда не доходили руки даже до себя, не говоря уже о квартире. Все бегом, все наспех ею всегда делалось. Бегом умылась, бегом причесалась, так же оделась. Потому и выглядела порой чучелом, не то что Инка. Та очень много внимания уделяла себе и дому. Маникюр, педикюр, прическа, три домашних шелковых костюма на теплое время года и столько же бархатных на зиму с осенью. Никаких растянутых на коленках портков, никаких бесформенных халатов. Даже сейчас, будучи беременной, его жена не опускалась до нечесаной головы и стоптанных тапок.

– Итак, Ваня, завтра с утра смотайся-ка ты к Аринке и пригласи ее ко мне, – повелел вдруг после паузы Сячинов.

– Я??? – вытаращился он. – Почему я?! Перец там с ней живет, он пускай и приглашает! Я-то зачем?!

– А я хочу, чтобы мне ее ты привез. И разговор окончен, – шлепнул крепкой ладонью по столу Сячинов.

Поднялся, схватил бутылку за горлышко, сунул в карман форменных штанов и, не шатаясь, двинулся к двери. И уже оттуда снова повторил:

– Завтра к обеду я жду ее у себя.

– А если не поедет? – промямлил Иван, принявшись сгребать в ладонь крошки от крекера. – Что мне ее, на себе тащить?

– Ну... Если понадобится, то и тащи, – он гыгыкнул утробно, вдарил пятерней по двери, распахивая ее, и ушел.

Сволочь!!! Старая сволочь и к тому же еще и импотент!!!

Иван ненавидящими глазами смотрел вслед убравшемуся начальнику. Зачем вот все это затеял, а?! Неспроста же! Ясно, как божий день, что неспроста. А затеял он все это от жгучей ненависти к удавшемуся Ванькиному счастью, с которым господин Сячинов пролетел. От жгучей ненависти к его молодости и красоте. И хочется, непременно хочется Сячинову Сергею Ивановичу, чтобы Арина захлопнула дверь перед носом у бывшего возлюбленного. Самому-то Сячинову едва нос не прищемили в бывшей квартире, доставшейся семье, куда он шмыгнул с подарками. Вот наверняка хочет и Ивана под такую раздачу подставить.

Старая, противная сволочь! Правильно его молодая девка загуляла от него, так ему и надо! А он что? Он и съездит к Аринке. Ему не в ломы. С утра можно на работу не рваться. Выспится как следует, тогда и поедет. Что скажет при встрече? Да разберется на месте, что сказать. Не велика персона, чтобы к встрече с ней готовиться заранее. Речь, что ли, стряпать в ночь? Еще чего! Наверняка мадам встретит его в своей любимой флисовой пижаме с широченными штанами и теплом халате до пола. Ах да! Еще тапки какие-нибудь лохматые с глупой собачьей мордой. Красавица!..

Арина его не встречала. Встретил его Перцев. Голый почти встретил, черт побери! Неужели, правда у этих брошенных неудачников что-то сложилось?!

– Чем могу?

Сашка выставил вперед лобастую лысеющую голову, будто забодать его собирался. Ему явно было прохладно стоять перед ним в одних трусах и резиновых сланцах ранним сентябрьским утром, но он не собирался подавать вида. И впускать его уж точно не хотел.

– Чего надо, Ваня, так рано? – спросил Перцев вкрадчиво, не думая отступать в сторону от калитки в воротах. – Времени-то сколько?

Иван хоть и собирался выспаться и поехать часов в десять, уехал из дома, как полагалось на работу, в десять минут восьмого. Молодец, вовремя смекнул, что его долгий сон может вызвать множество вопросов у супруги. Вопросы требуют ответов. Ответы ей могут не понра-

виться, а это снова неприятные объяснения часа на полтора. Лучше уж он уедет, как всегда, из дома. Поможется по городу, выпьет где-нибудь кофе, а потом уже и к Аринке смотается.

Смотался в результате сразу же. Кофе пить не стал. А тут такой прием!

– Арина дома? – спросил Иван, стараясь улыбаться приветливо и приятно, хотя вид голого перекачанного Сашкиного торса и обнаженных сильных длинных ножищ его нервировал.

– А тебе-то что?

– Позови, Перец, чего ты? – Иван шагнул вперед. – Она нужна.

– Кому нужна? – Сашка не сдвинулся с места, и гость уперся ботинками в край его резиновых тапок. – Тебе?! Она никогда не была тебе нужна!

– Согласен. Спорить не стану. – Иван отступил и произнес со вздохом: – Сячинову она вдруг понадобилась, Саш. Велел привезти ее к обеду.

– Так к обеду, а время пять минут девятого! – возмутился Перцев. – И чего это она вдруг ему понадобилась?

– У него спроси, – он начал закипать.

Вот какого хрена! Он так и знал, что визит будет неприятным и обременительным. Оно ему надо?! Сейчас Перец тут корячится, потом Арина выйдет с заспанной физиономией. Станет смотреть на него с презрением, фыркать без причины. Скажет, что сама доберется, и ему придется убираться восвояси. Прямо от забора и убираться придется. А в дом-то...

В дом-то попасть ой как хотелось. Очень любопытно было, как Арина справилась с обустройством его. Вышло у нее, нет? Палисадник, конечно, хорош, но то ведь не спальня, не гостиная и не уборная. В земле любой дурак слабоумный рыться сможет.

Так, стоп! Он чего завелся-то? С чего бесится? С того, что Перец его в дом не пускает, или с того, что он обнаженку ему тут демонстрирует? Почему мысль о том, что Арина и Сашка спят в одной постели, ему неприятна? Не этого ли добивался Сячинов, посылая его сюда?

– Я передам Арине, что ее вызывает начальство, – покивал Сашка, поежился и тут же обхватил себя руками, не в силах дальше справляться с сентябрьским прохладным утром. – Мы приедем.

– Вы? – насмешливой дугой изогнул губы Иван. – Вас уже двое? А может, вас чуть больше? А? Может, решили взять пример с меня и Инны, а?

Ему не следовало это говорить. Он делал Сашке больно, а себя выставлял беспринципным скотом. Но сказал же, чего теперь. Странно, но Сашка не повелся. Более того, вдруг улыбнулся, ткнул его пальцем в грудь и, прежде чем зайти за калитку, произнес:

– А ведь ты ревнуешь, совок!

Ваня не терпел, когда его так называли. Все из-за идиотской ностальгии по давним советским временам, в которых ему с родителями жилось до невозможности комфортно. И не ревнует он вовсе. А злость оттого его гложет, что пришлось тащиться непонятно куда, толком не позавтракав. И в дом-то, в дом он так ведь и не попал.

Калитку Перцев перед его носом захлопнул громко и с удовольствием. Протяжно зевнул из-за забора и пошел в дом, напевая что-то противное и нескладное. Чертыхнувшись, Иван повернулся, чтобы идти к машине, и почти тут же увидел Арину. Она бежала откуда-то с края деревни по узкой извилистой тропинке. Бежала красиво, профессионально. Иван невольно залюбовался ее стройной фигуркой, длинными ногами. Костюм был новеньким, бирюзового цвета, бирюзовая повязка на голове поддерживала волосы. Надо же, она отрастила волосы. С ним когда жила, всегда носила короткую стрижку. И часто, выпрыгивая из койки по вызову, просто чесала их пятерней.

Научилась за собой следить? Может, даже и кремом для лица научилась пользоваться? Иван скептически поджал губы. Раньше-то ей всегда было недосуг. Раньше она всегда утвер-

ждала, что кожа у нее от природы упругая и молодая. Пусть так, но средства ухода никто не отменял, верно?

Можно было бы прямо теперь, когда еще было время для бегства, пока она метрах в четырехстах от него, сесть в машину и уехать. Сашка бы все передал, избавляя его от необходимости говорить с ней, смотреть ей в глаза. Последнее ему всегда трудно давалось. Всегда казалось, что Арина видит его насквозь. От этого так было неуютно, что всегда хотелось бежать. Всегда!

Не уехал. Стоял, опершись задом о капот, и ждал, пока она добежит. Арина увидела его издали, скорости не поменяла. Метрах в пятидесяти перешла на шаг, восстанавливая дыхание.

Сейчас, вот сейчас она подойдет и скажет глухим, выдающим ее волнение голосом:

– Привет, Ванечка, ты зачем здесь?

И станет смотреть на него жадным взглядом, ищущим десять отличий в его теперешнем – счастливом – облике от того его прежнего, каким он был с ней. Он ей все расскажет равнодушно и спокойно, повернется и укатит на работу. По дороге позвонит Инке, чтобы напомнить себе, что она у него есть. Выслушает какую-нибудь очередную ахинею, тут же забудет обо всем.

Арина не подошла. Она молча кивнула ему с пяти метров и размашисто зашагала к калитке.

Иван, мало сказать, оторопел и разозлился. Он взбеленился так, что кинулся за ней следом, догнал, схватил за локоть и резко развернул Арину на себя.

– Пусти! – Она дернула руку, вырваться не удалось. – Я Перцева позову!

– Ишь ты... Перцева, значит?

Он, а не она, шарил теперь глазами по ее удивительно похорошевшему лицу и находил не десять, а сто пятьдесят отличий, разнящих ее с той, прежней, Ариной, которую он знал и которой тяготился. Бровки в стрелочку, кожа на покрасневших от пробежки скулах натянута, как у юной девчонки. Глазищи мерцают, губы пухлые, яркие. И с длинными волосами ей очень даже здорово. Бирюзовый цвет повязки и костюма все отлично дополняет. Этот цвет всегда ей шел. Это он еще помнит.

– Пусти! – снова дернула рукой Арина, второй уперлась ему в грудь. – Чего надо?!

– Сячинов послал к тебе, малыш.

Зачем??? Зачем, ради всего святого, он назвал ее так??? Что на него нашло?! Стылый деревенский воздух, пахнувший прелыми листьями, грибами и рыхлой землей, так на него подействовал? Она же... она же не нужна ему! При чем тут малыш?!

– Я тебе, сволочь, не малыш, а Арина Степановна Воробьева, понял! – Ее губы затряслись, но глаза оставались сухими и очень злыми. Руку она все же из его пальцев выдернула. Но не уходила, что уже было неплохо.

– Все дуешься? – вдруг спросил он, совершая, по его мнению, очередную несусветную глупость, и тронул кончиками пальцев мочку ее уха, раньше тоже так всегда делал. – Все дуешься на меня, да? А за что?

Она не ответила. Глянула, как на слизь. Фыркнула и головой покачала недоуменно, будто со слабоумным ей сейчас говорить приходилось.

– А чего злиться? Вот видишь, как все хорошо у вас получилось.

– У кого у вас? – чрезвычайно тихим, вкрадчивым голосом поинтересовалась Арина и потребовала, не меняя тона: – Уточни.

– Ну... У тебя, у Сашки. Вы вроде как нашли друг друга.

Он понимал, что несет нечто отвратительное, нечто такое, на что совсем не имел права, но остановиться никак не мог. Говорил и говорил, сопровождая свою ересь идиотской совершенно улыбкой.

– Просто встретились два одиночества вот... – Он затих, обнаружив в ее глазах странный опасный блеск.

– И что? – поторопила она его и нагнула голову.

– Ну... Вам, видимо, хорошо вместе. Как и не ждали, хорошо. Вы еще должны нам спасибо с Инкой сказать за то, что...

Закончить она ему не дала. Резко, с силой выбросила сжатую в кулак руку так, что у него, кажется, разорвалась грудная клетка. Весь воздух вышел из легких, а сердце будто взорвалось. Минуту он хватал широко открытым ртом воздух, а потом упал на коленки, прижимая обе руки к солнечному сплетению.

– А че я такого сказал-то?! Психопатка! Господи, как с тобой только Перец живет?!

Второй удар носком кроссовки она послала ему под зад, и он еле удержался, чтобы не клюнуть носом утоптанную землю.

– Дура, – сдавленно послал он ей вслед.

Арина не стала слушать, ушла, с остервенением загремев запорами на калитке. Иван сел в машину и уехал. Он не станет с ней возиться. Да пошла она!

Просьбу Сячинова передал, теперь он может быть свободен. Проезжая по дороге, заросшей с двух сторон густым кустарником, он мстительно позлорадствовал, что неплохо было бы, если бы Аринку кто-нибудь пуганул из этих самых кустов. Бегаёт она тут, не боится ничего. В деревне несколько дней назад жестокое убийство произошло, а она бегаёт по зарослям всяким. Нарвется когда-нибудь. Непременно нарвется.

Он даже не подозревал, насколько был близок к истине, мечтая о засаде для Арины.

Сегодняшним утром ее ждали.

Человек, притаившийся в кустарнике, внимательно следил за ее перемещениями. Ему важно было знать ее маршрут. Важно было продумать, в каком месте – безопасном для себя – он может поймать ее. Не в дом же к ней ломиться, в самом деле! Там у нее мужик какой-то поселился. Вышел к гостю, прикатившему из города, в одних трусах. Высокий, крепкий, мускулистый. В дом нельзя. В дом опасно. Этот дядя может запросто переломить ему спину через свою крепкую коленку. Да и с самой бегуньей надо быть осторожнее. Вон она как гостя мастерски приложила. Не смотри, что женщина, удары наносились вполне меткие и профессиональные.

Бежит она, минуя тротуар, по тропинке, потом мимо этих кустов за деревню, потом от конюшни к лозняку, вдоль берега, на опушке леса делает разминку и обратно бежит.

В лесу! Вот где он завтра станет ждать ее. Пока она махи ногами делает, стоя к деревьям спиной, он сзади подкрадется. Нож, с которым он и раньше никогда не расставался, а теперь постоянно таскал в кармане как гарант всех его прав и свобод, он приставит ей к горлу. У нее не будет возможности сопротивляться ему. Она не сможет отразить его нападение, которое будет внезапным.

Она нужна ему! Никто так никогда не был ему нужен, как она сейчас.

Итак, до завтра...

Глава 3

Арина встала под горячий душ и закрыла глаза. Телу сразу сделалось горячо и немного больно, но следовало согреться, ее всю колотило после встречи с Ваней. Она как из вечной мерзлоты выбралась, поговорив с ним.

Каков, а?! Благодетель нашелся! Судьбы он им устраивать взялся, сотворив предательство.

Сволочь!!! Мелкая, ничтожная сволочь! Как она раньше не рассмотрела за его внешним лоском, за его привлекательностью и ненавязчивым обаянием такую отвратительную душонку?

А с чего он взял, что они с Перцевым вместе? Сашка что же, по привычке вышел к нему в трусах? Вот дубина, а! Хоть говори, хоть не говори, все равно ходит по дому спросонья почти в чем мать родила. Пыталась спорить с ним, швыряла в него его шорты, штаны спортивные, которые разбрасывались им где попало, все бесполезно.

– Ладно тебе, Ир, – миролюбиво бубнил в такие минуты Сашка, нехотя влезая в штаны. – Че ты меня, в трусах, что ли, не видала никогда? Мы же с тобой огонь, воду и эти, как их... какие-то трубы прошли вместе.

– Медные, – подсказывала она с раздражением.

– О, точно, медные, – лыбился он и мизинец скрюченный совал ей для примирения. – Так что... Да ты в мою сторону и не смотришь-то почти, Ир, какая тебе разница, в трусах я, без них я.

Перец ей весь уклад мирной одинокой жизни поломал, все с головы на ноги поставил. В кухню войти стало невозможно. Пол в углу выломал до бетона, часть стены обрушил, врезаясь в трубу, которую прежде заложили, натаскал огнеупорных кирпичей, откуда-то приволок старое корыто и каждое утро замешивал в нем раствор. Это, объяснял он ей, основа всех основ для камина. Арина так и не поняла, о чем он: о кирпиче или о корыте. Злилась, наступая в рассыпанный по всему полу цемент, застилала его рабочий угол мокрыми тряпками, так Перец все равно ухитрился наследить по всему дому.

Теперь вот еще и в трусах бродит. Так ладно бы по дому, он и на улицу пошел. А там вдруг Ванька... А Перцев перед ним в трусах! Что тот мог подумать? Только то, что подумал. И другой бы каждый подумал то же самое: у них с Перцевым роман. А какой роман, господи? Какой роман, если он на нее как на женщину и не смотрит вовсе. Во взглядах старого почтальона дяди Мити больше интереса, чем в Сашкиных.

Она ему не нужна. Он ей не нужен. Так что Ванечка может быть спокоен на этот счет. Хотя ему, кажется, все равно. У него молодая эффектная Инна. Она скоро подарит ему наследника. И жизнь Арины, ее личная жизнь, его совершенно не волнует. А что за локоток ее схватил, так это потому, что задело его ее невнимание.

– Кофе будешь?

Сашка стоял – слава богу, в шортах и футболке – возле плиты с туркой в одной руке, а второй неловко снимал с полки кофейные чашки.

– Буду, – буркнула Арина и села за стол. – Чашки не побей!

Пускай сегодня он похлопочет, она и так каждое утро его завтраком балует. То кашка, то омлетик, то бутерброды горячие, и уж сок свежесжатый непременно. Для этих целей даже купила у соседки ведро антоновки.

– Как спалось? – Перцев покосился на нее из-за правого плеча. – Что снилось?

– Тебе-то что?

Арина покраснела, уткнувшись в трехдневную газету. Признаться ему, что во сне он тащил ее куда-то на руках и ей это было приятно? Ага, непременно!

– Стонала ты и кричала что-то. – Он неуверенно пожал плечами.

– Ты под дверью подслушивал? – Она подняла на него глаза, чуть опустив газету.

– Нет, просто... Услыхал что-то ночью, вскочил, обошел все, а это оказывается, ты... орешь, – закончил он со своей неподражаемой медвежьей романтичностью. – Я постоял под дверью, послушал. А потом спать ушел. Так что снилось-то, Ир?

– Неважно, – буркнула она.

Глянула через окно в палисадник, день занимался хмурый и холодный. В такие дни она не очень любила из дома выбираться. Предпочитала с книжкой посидеть. А то и со спицами. Она ведь не соврала тогда Сашке, купила самоучитель по вязанию. И даже уже несколько замысловатых узоров освоила. Провяжет рядов десять и распускает, удовлетворившись, что у нее вышло замечательно. Но при Сашке сидеть со спицами она стеснялась. Да и с книжкой обниматься тоже стыдно, когда он с утра до ночи в старом корыте раствор месит. Приходилось что-то готовить, убирать, мыть пол после трудов его праведных.

– Ладно, – миролюбиво ответил друг, поставил перед ней крохотное блюдце, на него чашку с кофе, пододвинул плетеную тарелку с пышной булкой, восхитительно пахнущей корицей и яблоками. – Поешь немного.

– Булка откуда?

– Так соседка печет каждое утро для продажи, в город возит в офисы. Я с ней договорился, она обязалась и нам печь по утрам. Здорово же, Ир. Каждое утро свежая сдоба... Ваньку видела? – Он громко хлебнул из своей чашки.

– Видела. – Она отломала кусочек булки, положила в рот, вяло пожевала. Вкуса, хоть убей, не почувствовала.

– И чего?

– А ничего. – Арина глотнула кофе, поморщилась. – Перец, это не кофе!

– А что? – не понял он, глянул на дно своей опустевшей чашки.

– Это кофейная каша, Перец! – Она, сморщившись, сделала еще один глоток. – Заставь вот тебя богу молиться!

– Он сказал, что Сячинов просил тебя приехать?

– Не успел. Про Сячинова что-то брякнул.

– А чего не успел-то?

Сашкины губы дрогнули в улыбке. Конечно, он подглядывал. Может, даже и подслушивал. Арина качнула головой, решив не отвечать.

– Ладно... – проглотил он с пониманием ее молчание. – Так поедешь, нет?

– К Сячинову?

– Угу.

– Не-а, не поеду. Чего я там забыла? Я уволилась, если ты помнишь. Чего мне там?

– Это он тебя из-за убийства Митиной зовет, не иначе.

– Конечно! – зло фыркнула Арина. – Сначала посадили невиновного человека. Ни за что посадили, оставив убийцу на свободе! Меня слушать не захотели. А теперь? Совет от меня понадобился? Нет, не поеду! Пусть сами...

– Понятно, – изрек Сашка, привычно дернул плечом и замолчал надолго.

Завтрак, который Арина решительно дополнила вчерашними макаронами и обжаренными копчеными колбасками, у них закончился в гробовом молчании. По строго установленном порядку Сашка убрал все со стола, вымыл посуду в раковине, игнорируя посудомоечную машину. Арина вытерла стол сначала мокрой, потом сухой тряпкой. Он задвинул под стол ее изящный стул и свое прочное деревянное кресло и тут же двинулся в угол, намереваясь продолжить свой разрушительно-созидательный процесс.

Арина со злостью оглядела его широченную спину и вдруг топнула ногой:

– Перец! Ну чего ты снова за мастеров-то?!

– А чего? – Он уже присел на корточки и внимательно рассматривал швы своей кладки, тыкал в них отверткой.

– Я не поеду, но ты-то съезди!

– Меня не звали, – пробубнил он, коротко глянул на нее и тут же отвернулся. – И вообще я в краткосрочном отпуске.

– Вот противный. – Арина решительно прошла в его угол, заваленный строительным инвентарем и засыпанный цементом вперемешку с огнеупорной глиной. Схватила Перцева за плечо: – А как же новости, Перец?! Нам же важно быть в курсе, так?

– Нет, не так. – Он медленно поднялся, повернулся к ней, ухмыльнулся догадливо. – Неймется, да, Ир? Чес идет по всему телу? И хочется, и колется, так?

– Допустим. – Она зажала ладони под мышками, глянула на него с вызовом. – И что?

– А ничего. Хочется. Поезжай. Я не поеду.

И он снова принялся ковырять швы, что-то бормоча себе под нос неразборчивое.

Арина пошла собираться.

Что надеть, что надеть? Она долго стояла у распахнутого шкафа, потом решительно потянулась к новенькому костюму из коричневого твида и небесно-голубой блузке. Она должна выглядеть, черт побери! Все, включая Ваньку и Сашку Перцева, привыкли видеть ее либо в форме, либо в джинсах и свитере. Только после увольнения она начала тщательно следить за своей одеждой, жалея упущенное время.

Арина оделась, зачесала волосы назад и стянула их красивой заколкой с бирюзой. Добавила сумочку, туфли на высоком каблуке и пошла вниз.

– Я уезжаю, – обронила она, глядя в Сашкину согбенную спину.

– Доедешь, позвони, – пробубнил он, не оборачиваясь. – И обратно выедешь, позвони. Не задерживайся, буду волноваться.

– С чего вдруг? – удивилась Арина.

Окинула взглядом кухню и вздохнула. Все снова в песке и цементе. Когда уже наступит конец этому строительству! Надо было просто купить электрический камин и поставить его в угол. Нет, треска поленьев ей зимой не хватало! Пожинай вот теперь.

– Не знаю. Чего-то как-то так...

Он пожал плечами, разогнулся, сходил к раковине и сполоснул руки. Потом подошел к ней, оглядел ее.

– Красиво, – похвалил он, тронув ее заколку в волосах. То ли заколку хвалил, то ли ее всю, разберись в этом Перцеве. – Не нравится мне здесь, Ирка.

– Где? – Она беспомощно оглянулась. – У меня? Так я тебе лучшую гостевую спальню выделила и...

– Не части. – Его ладонь легла ей на плечо, он чуть наклонил голову влево. – Не у тебя, а в деревне... Что-то не нравится мне тут. Как-то тут беспокойно. Что-то бродит. Объяснить сложно, но что-то чую я, Ир.

– Да ладно! – Она неуверенно улыбнулась, удивляясь тому, что по телу разливается приятное тепло от его руки на ее плече. – Что ты чувствуешь-то?

– Не знаю... Вечером окурков не было, а утром два я нашел, – рассеянно пробормотал Перцев, кивнув в сторону окна.

– Где, где нашел?

– Возле твоего забора, прямо у самой калитки. Вчера я выходил вечером, уже темнеть начало. Все было чисто. А сегодня вышел к Ваньке, а там два бычка в траве. Чуть прошелся вдоль забора позже, когда ты под душем стояла, еще нашел три штуки. Все в разных местах. И знаешь, в каких местах?

– В каких?

Ответ она почти угадывала. Курили там, откуда хорошо просматривались освещенные окна ее дома.

– Откуда хорошо видны окна твоей спальни, моей спальни и этого дурацкого балкона. Говорил же, избавься от него. С улицы попасть в дом, как бы отлично заперт он ни был, через этот балкон пара пустяков!

С балкона по винтовой лестничке можно было спуститься прямо в сад. Балконная дверь вела в узкий коридорчик между кладовкой и крохотной комнаткой, в которой у нее была оборудована прачечная. Там стояла гладильная доска, корзины для грязного и чистого белья и стиральная машинка. Потом этот коридорчик вел напрямиком в основной коридор, откуда легко можно было попасть в ее спальню. Все вроде бы ничего, если бы не дефект балконной двери. Сколько Арина с ней ни билась, сколько ни вызывала мастеров, запереть изнутри так, чтобы не открыть снаружи, у нее не получилось. И не у нее одной. Сашка тоже потел над задвижкой, ничего у него не вышло. Тогда он просто посоветовал дверь эту заложить. Арина фыркнула, сказала ему: здравствуйте, пожалуйста, может, и остальные окна-двери заложить кирпичами? И менять что-то в интерьере отказалась. Достаточно уже строящегося камина.

– Да мало ли, кто курил? – произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал достаточно беспечно. – Может, пацаны какие? Может, так кто бродил? У нас с тобой, Сашка, просто мозги не на месте в силу нашей с тобой профессиональной натасканности, вот и мнится всякое.

О том, насколько сегодня ей неуютно бегалось утром, Арина смолчала. И о том, что все время казалось, будто за ней кто-то наблюдает из всех кустов разом, тоже решила не говорить. Он тогда ее на пробежку не выпустит точно. Сам не бегают, предпочитая в саду гантели ворошить, и ее не пустит. Нечего наполнять душу параноидальными страхами.

– Хорошо, если так, – кивнул он согласно, руку уронил с ее плеча, отчего ей тут же сделалось неуютно, отступил на пару шагов. – Только звони, Ир. Как приедешь, позвони. И как выедешь из города, тоже. Пока...

– Пока. – Она прижала сумку локтем к боку, повернулась, чтобы уйти.

– Эй! – вдруг позвал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.